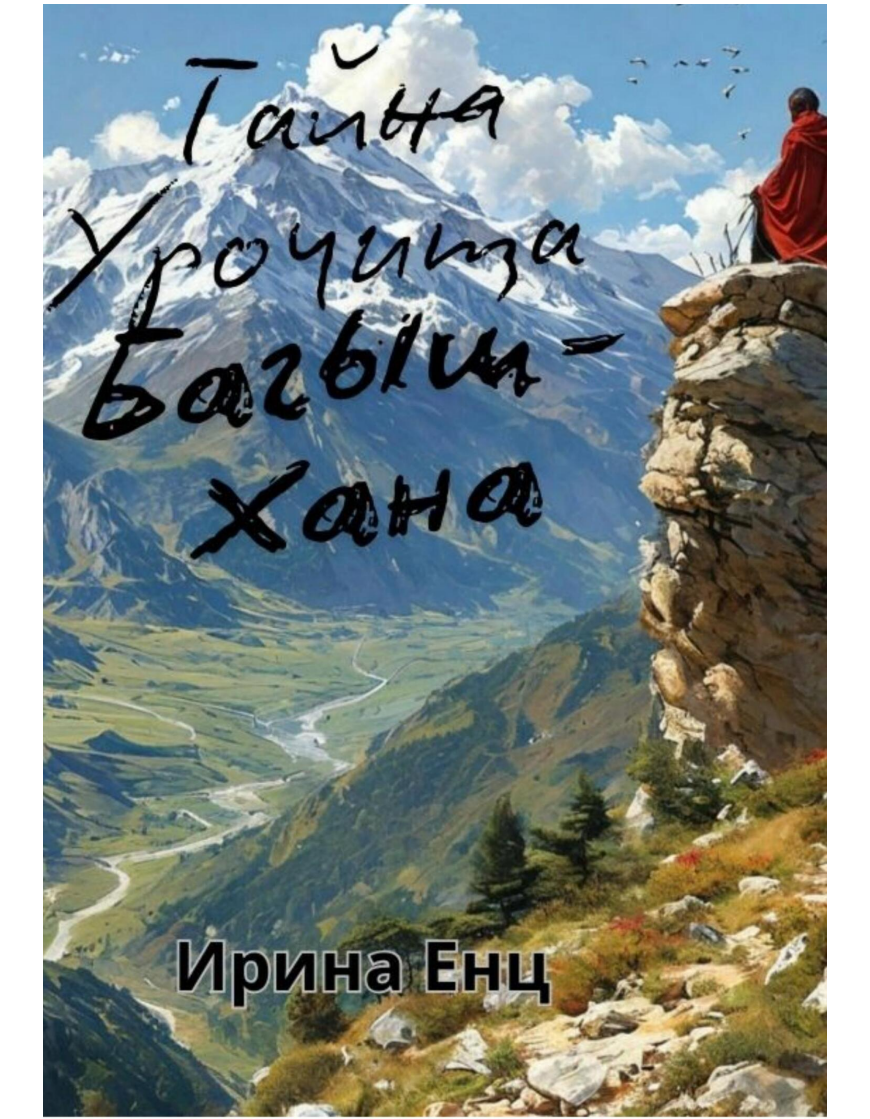

The background image is a vibrant, painterly landscape. It shows a high-altitude mountain range with snow-capped peaks under a blue sky with scattered white clouds. In the foreground, a person wearing a bright red cloak stands on the edge of a rocky cliff, looking out over the valley. The valley below is a lush green expanse with a winding river or path cutting through it. The overall mood is one of vastness and tranquility.

Тайна Урочища Багълм- Хана

Ирина Енц

Ирина Юльевна Енц

Тайна Урочища Багыш-Хана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71316019

SelfPub; 2025

Аннотация

Поход в горы за абрикосами обернулся для Анны и ее друзей сущим кошмаром. Проход в другие миры, тайные подземные города, буйство стихий, невероятные великаны из других измерений, и конечно же враги-темные, стремящиеся захватить власть в мире. Трудные вопросы и непростые решения. Справится ли девушка со всем этим? Какой выбор сделает? Откуда ей ждать помощи?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	63
Глава 6	82
Глава 7	105
Глава 8	121
Глава 9	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Ирина Енц

Тайна Урочища

Багыш-Хана

Все названия местности и имена героев вымышлены. Возможные совпадения – просто случайность...

Моим друзьям детства посвящается...

Пролог

Утробный гул, идущий откуда-то из самых глубин земли, заставлял от невыразимой, накатывающей волнами жуты, шевелиться на голове волосы. словно пробудившийся от тысячелетней спячки дракон, восстающий из своей берлоги-пещеры, издавал эти ужасные звуки, возвещая о своем приближении. И горы содрогались под поступью его громадных лап, от волочащегося по земле тяжелого хвоста. Темнота, скопившаяся по ущельям, стала клубами выплескиваться наружу, заливая все пространство кругом своим чернильным мраком. Где-то, совсем близко испуганно и тоскливо завывали шакалы. И в этот момент, мир, словно только и дожидавшийся этого воя, как некоего сигнала, сошел с ума. Земля под ногами заходила волнами, подбрасывая человеческие тела, словно сухие щепки в волнах бурливого горного потока. Шелест скользящих вниз осыпей заглушили раскаты падающих громадных валунов, летящих лавиной с самого верха склонов. От этого грохота закладывало уши. Все внутренности стягивало тугим узлом, и тело содрогалось в каких-то диких конвульсиях. Воздух сначала сгустился до смоляной вязкости, а потом взорвался, будто лопнувший огромный воздушный шар. И сразу стало нечем дышать. Ничего больше в мире не оставалось незыблемого и стабильного. Волной мелкого щебня «слизало» костер и место стоянки, словно его там

никогда и не было. Крупные камни и осколки скал, словно снежная лавина, летели со склона, стремясь раздавить, сравнять с поверхностью земли, казавшиеся в этом хаосе, хрупкими и уязвимыми, беспомощные тела людей.

Один только, растущий на самом дне ущелья, огромный старый карагач стоял прочно и несокрушимо, раскинув по сторонам свои узловатые корни, впившиеся словно сильные, сухие пальцы древнего, но еще крепкого старца, в каменистую почву, и только вздрагивал всей кроной при каждом новом толчке разгневанной земли. Три человека укрылись возле его ствола, вцепившись заостренными от напряжения пальцами в растрескавшуюся от возраста серую кору великана, и расширенными от ужаса глазами наблюдали за свирепой яростью разбушевавшейся стихии.

Глава 1

Солнечный свет пронизывал листву скапливаясь в янтарных гроздьях созревающего винограда, делая похожими на маленькие лампочки каждую ягоду. Зажав пальцем страницу книги, я, прищурив один глаз, смотрела на игру света в густой зелени, мыслями унесшись в совершенно другой мир, в который мне вскоре предстоит отправиться. Школьные годы закончились, и мы вступали в иную, совершенно отличную от этой, жизнь. Сердце сладко замирало, словно на «американских горках», когда летишь в вагонетке с крутого подъема вниз. Было чуть-чуть страшно и... хорошо. Конечно, там уже не будет такого пронзительно-синего неба, на фоне которого снежные вершины Тянь-Шаня смотрятся словно величественное панно, созданное самим Творцом, таких гроздей винограда, пропитанных южным солнцем. Не будет и прежних друзей. И это было немного грустно. Но только, совсем немного...

Позади меня раздалось едва слышное шуршание, и под полог беседки, увитой виноградной лозой, отодвинув свисающие плети, вошла моя подруга Танька, с которой мы просидели за одной партой все последние школьные годы, деля, как говорится и горе, и радости напополам. Подстриженные до плеч светлые волосы, чуть вздернутый нос, усыпанный конопushками, которые ее, кстати, совсем не портили, прямой

взгляд серых глаз, обрамленных длинными черными ресницами под кодовым названием «смерть парням», тонкие брови, изогнутые ровным полукружьем. Татьяна огляделась по сторонам строгим взором (хотя, на мой взгляд, смотреть там было ну совершенно не на что), и осуждающе хмыкнула.

– Баклуши бьешь?

По неведомой причине, почувствовав себя нашкодившим котенком, которого сейчас начнут тыкать мордочкой в расплывающуюся лужицу на блестящем паркете, я, заложив страницу в книгу закладкой, убрала ее на небольшой столик, стоявший рядом с креслом-шезлонгом, и проямлила:

– А чего делать-то? Вот, классику перечитываю. В институте не до литературы будет... – И добавила нерешительно: – Наверное...

Татьяна неодобрительно покачала головой, а потом, словно спохватившись, торопливо проговорила.

– Я к тебе с предложением... – И замолчала, словно навсегда, разглядывая меня, как наездник разглядывает кобылу перед заездом, словно решая, годится она для такого дела или другую лошадь взять, пока не поздно.

А я затосковала. Последней инициативой подружки были утренние пробежки в горы. Нет, я, конечно, ничего против спорта не имею, но, вставать в пять утра и под бодрое сканирование на вдохе-выдохе «в здоровом теле – здоровый дух», носиться, будто за нами кто гонится, по нашим предгорьям, перепрыгивая арыки и попадающиеся под ноги бу-

лыжники, распугивая змей, ежей, сусликов и прочую мелкую живность, которые едва-едва успевали уворачиваться из-под наших ног, занятие, я вам скажу, еще то. И теперь, не ожидая ничего хорошего, я, разглядывая свои руки (там тоже смотреть было особо не на что), ожидала чего-нибудь подобного, если еще не хуже. Татьяна, закончив осмотр, небрежным жестом руки, сорвав кисточку винограда, плюхнулась в другое кресло, и тяжело вздохнула. Ее вздох можно было трактовать, как: «Что делать... Другого все равно нет, поскачем на том, что есть...» Прожевав несколько виноградин, задумчиво проговорила, решив, как видно, начать издалека:

– Я в этом году ни пастилы не приготовила, ни варенья урюкового. А у нас он здесь уже совсем отошел... – И кинула следующие две ягодки в рот, глядя пристально на меня.

Не понимая куда подруга клонит, я покорно согласилась, пробормотав эхом:

– Отошел... – И добавила на всякий случай: – И мы не успели набрать...

По непонятной причине, мое, совсем ничего, на мой взгляд, не значащее признание, вызвало у Таньки небывалый прилив энтузиазма. Забыв про виноград, она наклонилась ко мне поближе, и радостно возвестила:

– Так вот и я о чем! – И хлопнула свободной от винограда рукой меня по колену.

Все еще не понимая, куда она клонит, я настороженно спросила:

– И чего...?

Воодушевившись еще больше, она, положив недоеденную кисточку винограда на стол, и, придвинув свое кресло еще поближе ко мне, так, что наши колени стали упираться, почему-то, заговорщицким шепотом проговорила:

– Так, а в горах-то он еще не отошел... – И со значением поглядела на меня, будто сообщила только что о найденном кладе, до которого пока еще никто не добрался.

Наконец-то начав понимать, куда она клонит, я решила включить «дурочку».

– Ну, наверное... И чего...?

Раздосадованная моим поведением, а, точнее, моими дурацкими вопросами, Танька сердито проговорила:

– Ну ты чего изображаешь из себя курицу-то?! Все ведь поняла, а строишь... черте чего строишь из себя!!! – И сразу пошла на самый беспардонный шантаж: – Не хочешь, так и скажи!! Я тогда одна пойду!! – И схватив опять эту несчастную кисточку, принялась ее объедать прямо так, хватая ягоды губами.

Я тяжело вздохнула, и проговорила несколько подхалимским голосом:

– Ладно тебе, чего ты... Конечно, вместе пойдем... – И заинтересовано спросила: – А куда пойдем-то?

Татьяна, обрадованная моей внезапной покладистостью, опять придвинулась ко мне, и торопливо заговорила:

– У нас соседка с сыном позавчера в горы ходили, так две

огромных корзины урюка притащили. Думаю, уже все, что близко, обобрали давно. Знаешь, мне тут подсказали одно местечко... – Она замерла в паузе, загадочно мерцая на меня своими серыми глазищами, видимо ожидая от меня вопрос по поводу «местечка». Но я, все еще продолжала, по неведомой мне самой причине, вредничать, поэтому, спрашивать не стала, а уставилась на нее со всей серьезностью, на какую только сейчас была способна. Подруга нахмурилась, и, не дождавшись от меня вопроса, продолжила: – Пойдем с ночевкой, я палатку возьму, провизии какой-нибудь. Заодно и время хорошо проведем напоследок. – Видимо, словно «напоследок» подругу смутило. Прозвучало оно точно так, словно мы расстаемся навсегда. Она погрустнела, шмыгнула носом. Неужто реветь собралась? Я глазам своим не поверила! Заглянула ей в лицо, собираясь что-то срочно предпринимать. Правда, на этот случай в моем арсенале ничего подходящего не было. Да я за всю нашу жизнь ни разу не видела, чтобы Танька плакала! На меня стала накатывать легкая паника. Но тут, слава тебе..., подруга взяла себя в руки и преувеличено суровым голосом спросила. – Мать-то тебя отпустит?

Я пожала плечами, обрадованная, что катастрофы не случилось, и беспечно ответила:

– Так некому не пускать! Мама на две недели на курсы повышения квалификации укатила. Так что..., – я развела руками, – ... свобода...!

Татьяна деловито кивнула, и подытожила:

– Чудно... Мои, сама знаешь, «в поле». Вернутся только к снегу. – Ее родители были геологами, и кровиночку свою видели довольно редко. «Кровиночка», кстати, особо об этом не сожалела. Так что, к самостоятельности мы с ней были приучены с пеленок, можно сказать. Собрав в кучку исходные данные, она деловито продолжила: – Значит, завтра и двинем. Нашим, когда вернутся, сюрприз будет в виде урюка. – Потерла она ладошки от предвкушения, то ли предстоящего сбора урожая, то ли предстоящего сюрприза. Затем вновь посуровев лицом, строго проговорила: – Но учти, идти далеко. Зато, говорят, не место – райские кущи! – И видимо в отместку за мое поведение, так и не назвав места, где эти самые «райские кущи» находятся, с ехидной улыбкой добавила: – Короче... Собирайся, завтра за тобой зайду часиков в пять.

Я поморщилась, и забыв про свою вредность, заныла:

– А попозже нельзя? Чего тебя на пяти часах утра-то заклинило? На пробежку в пять, за урюком опять в пять? Мы что, опаздываем куда? Тем более, что с ночевкой...

Танька поднялась с кресла, и, строго глядя на меня сверху вниз, отрезала:

– Кто рано встает – тому Бог подает... В общем, я пошла. А ты тоже, не рассиживайся. Соберись как следует.

Она уже переступила через порог беседки, когда я ее спросила:

– Юрку с собой позовем?

Занесенная для следующего шага Танькина нога зависла в воздухе. А я мысленно подобралась, готовясь к длительному спору. Подруга вздохнула тяжело, поставила ногу обратно, развернулась всем корпусом ко мне, сморщилась досадливо, и спросила голосом первой христианки на арене римского цирка:

– На кой нам Юрка-то?

Тут следовало пояснить, что Юрка был нашим другом. Точнее, он больше был моим другом, а Таньке его приходилось терпеть. То ли и вправду не нравился он ей, а может и влюблена была. Кто же ее разберет? Но возмись я ей делиться своими догадками на этот счет, Танька бы обиделась на меня смертельно, а ссориться с подругой я никак не хотела. Поэтому, и держала свои мысли при себе.

Про Юрку надо сказать отдельно. Высокий, плечистый, с круглой, как у коlobка головой, коротким ежиком коротко стриженных темно-русых волос и смешно торчащими ушами, которые с самого детства ни капельки не изменились, он был весельчак, хулиган и балагур. Но его голубые глаза всегда оставались серьезными и печальными. В отличие от Татьяны, с которой мы с пятого класса за одной партой, пробежки в горы, учеба езды на велосипеде и все прочее, с Юркой мы дружили еще с того времени, когда сидели вместе на горшках. Ну, то есть, сидели, конечно, по разным комнатам, и даже по разным домам... Тьфу, ты, совсем запуталась!! В

общем, жили мы по соседству, и у нас с ним в один год случилась беда. У него умерла мама, а у меня умер папа. Оставшимся нашим родителям было не до нас с их горем, и мы с ним были предоставлены сами себе. Возможно, именно это нас и сплотило.

Он считался отъявленным хулиганом и завзятым троечником. И что меня, девочку-отличницу, умницу и красавицу, спортсменку-комсомолку, могло с ним связывать? Над этим вопросом головы ломали не только наши учителя. Ничего путного людям в голову не приходило, и все решили, что мы с ним брат и сестра в каком-то там колене. Мы никого в этом заблуждении не разуверяли. Зачем? Что мы могли объяснить? Что мы, словно два котенка, выкинутых на улицу, находили утешение и защиту друг в друге? Вряд ли кто-нибудь это мог бы понять. А Юрка, действительно, был мне, как брат.

Сначала ловить, а потом и ездить без седла на бесхозно бродящих по нашему поселку ослах, лазить по деревьям, в кровь сдирая ладони о сухую кору и сучки, воровать в соседском саду яблоки (хотя, в своем их было немеряно), стрелять из рогатки мелкими желтыми ранетками, которые росли повсюду и подсовывать учительнице биологии в ее сумку лягушек – этому всему научил меня Юрка. Потом у него появилась первая любовь, и, сидя на ветке старой раскидистой шелковицы, он шепотом поверял мне «страшные» тайны о первом поцелуе. Потом у него этих «любостей» было, хоть

бреднем вытаскивай. И каждый раз он прибежал ко мне то с радостной вестью, то с горестными рыданиями. Разумеется, рыданиями не в буквальном смысле этого слова. Как он сам любил говорить (подозреваю, слямзил эту фразу из какого-то фильма, потому как книг читать не любил, в отличие от меня), «мужчины не плачут, мужчины огорчаются».

В общем, жили, что называется, не тужили. Юрка после восьмого класса из школы ушел, и отправился в техникум. Приезжал на каникулы невозможно взрослый, гордый и дерзкий. Но, как и прежде, всеми своими похождениями он неизменно делился со мной. А его голубые глаза, по-прежнему, были серьезными и грустными. В общем, Юрка был родным для меня человеком.

И теперь, я пыталась объяснить, «на кой» нам Юрка в нашем предстоящем походе.

– Ну, во-первых, – вдохновенно начала я перечислять, – сама сказала, идем далеко. А это, все-таки, горы. А вдруг зверь какой дикий на нас нападет? Мало ли? – И посмотрела на Татьяну исподтишка, чтобы проверить, как на нее повлиял мой аргумент.

Татьяна хмыкнула, и насмешливо проговорила:

– Ну если только какой-нибудь совсем никудышный зверь, который не в своем уме. Потому как, в здравом рассудке на тебя ни один зверь не рискнет напасть...

Я ее ехидное замечание решила оставить без комментариев, сама удивляясь собственной покладистости, но продол-

жила уже более суровым голосом:

– Во-вторых... Мужское плечо рядом – это дорогого стоит в любой ситуации. В конце концов, если мы много урюка наберем, его же как-то тащить придется. И Юрик тут будет как нельзя кстати. – И, плюнув на все дипломатические фортели, я прямым текстом закончила: – И, в конце концов, мы все разъезжаемся по разным концам, когда еще вот так, всем вместе удастся у костерка посидеть, на звезды посмотреть?! – И как козырного туза, выдвинула свой последний аргумент: – Да и, наверняка, Юрка гитару возьмет...

Это был даже не просто козырный туз, это был, можно сказать, беспроегрышный вариант, так сказать, джокер. Татьяна обожала слушать Юркины песни, между прочим, собственного его сочинения. Подруга еще раз тяжело вздохнула и милостиво махнула рукой:

– Ладно, зови... – И королевой выплыла из беседки.

Я, не тратя времени даром, тут же рванула к Юрку, сообщить ему радостную весть: он идет «далеко» с нами за урюком. Юрка, к моему разочарованию, особой радости по этому поводу не выразил. К тому же, ему не понравилось время нашего завтрашнего «выступления». Досадливо сморщившись, он проворчал:

– Вечно твоя Танька ни свет, ни заря... Каникулы же! Выспаться, отдохнуть, и все такое прочее. Она что-нибудь об этом слыхала, о каникулах, я имею в виду и о выспаться?

Вопрос, конечно, прозвучал, как риторический, но за по-

другу мне стало немного обидно. И я, совершенно позабыв, как недавно сама среагировала на ее ультимативное заявление, что выходим в пять утра, кинулась на ее защиту.

– Да ладно тебе... Как со своими девчонками до пяти утра по садам, да улицам шастать, так это ничего, а как с родными одноклассницами на благое дело, так тебе, значит рано?! Права Танька! Если идти далеко, то выходить надо по холоду. И в пять утра – это самое то!

Зная мою прилипчивость, друг отмахнулся рукой и ворчливо проговорил:

– Ладно, ладно... Понял я... А куда идем-то хоть?

И тут я поняла, что забыла уточнить название того места, куда мы идем. В памяти осталось что-то такое, наподобие «райского места», но это точно было не название, а, скорее, эмоция. Я сконфужено пожала плечами, и виновато проговорила:

– А бес его знает... Точнее, Танька знает. А я не спросила даже... – А потом, на меня опять накатила волна энтузиазма, и я весело закончила: – Какая разница – то?! Главное, что все вместе, как в старые добрые времена...

К моему радостному удивлению, Юрка вредничать не стал, и легко, с улыбкой проговорил:

– А и правда... Никакой! А то ведь скоро разъедемся...

От избытка эмоций, я обняла друга за шею и расцеловала в обе щеки.

Покончив со всеми уговорами-разговорами, я отправи-

лась собираться в поход, понимая, что дело это ответственное, и подойти к нему стоило со всей возможной серьезностью. Горы – это вам не в березовой рощице на прогулку выйти. Горы – это горы!

Глава 2

Рассвет еще только намекал на свое приближение, а Татьяна уже стояла на пороге и придирчиво разглядывала мой собранный рюкзак. Собственно, смотреть там было особо не на что. Туго свернутое верблюжье одеяло (в горах ночью довольно прохладно, если не сказать, холодно), теплую куртку, несколько банок консервов, пачка гречневой крупы и немного картошки с луком. Соль, спички и прочую мелочь, она своему контролю подвергать не стала. Довольно хмыкнув, показала на старый бинокль, висевший на кожаном ремешке у нее на шее, и с затаенной гордостью проговорила:

– Батин, старый... На окончание школы подарил. – И погладила его с нежностью по потертому чехлу.

Спрашивать Татьяну, на кой ей бинокль, я сочла неразумным. Пусть будет. Может она горных архаров в него собралась разглядывать, а может звезды ночью. Я, вскинув рюкзак на плечо, проговорила оптимистично:

– Ну что, вперед?

Мой оптимизм в пять утра объяснялся очень просто. Была у меня такая черта характера: меня будоражила дорога. Не какая-то конкретная, а вообще, дорога, любая. Поставив ногу на нее, я уже не могла бороться со своим неудержимым желанием заглянуть за горизонт. Мы вышли со двора. Я тщательно закрыла калитку, наказав сидевшему на ее столбике

коту по кличке «Маркиз»:

– Ты тут смотри за домом. С домовым не ссорься. В общем, хозяйство на тебя оставляю... – Кот сдержанно мяукнул, словно отвечая на мои слова. К слову говоря, почему «словно»? Он и отвечал, был скотинкой вредной, упрямой, своенравной и весьма умной.

Татьяна наш диалог выслушала со спартанским терпением, только негромко хмыкнул. Наши с котом отношения ее всегда приводили в недоумение. «Ты с ним, как с человеком...», – говорила она насмешливо. На что я отвечала, что мой Маркиз поумнее некоторых людей будет. В общем, мы вышли на дорогу, ведущую в обход садов прямо в горы. Танька, покрутив головой, недовольно проворчала:

– Ну... И где твой Юрка?

Я решила не задиаться с подругой. Моего хорошего расположения духа в начале пути не могло поколебать ничто, даже и ее ехидство, поэтому я просто ответила:

– Мы договорились, он нас будет ждать у граничного камня.

Все еще вредничая, она, не скрывая иронии, пробурчала:

– Буду приятно удивлена, если он не опоздает. Разгильдяем был, им и остался...

А я про себя подумала, что тут дело нечисто. Танька точно влюблена в Юрика, недаром так к нему цепляется.

Пройдя сады, мы еще издали увидели граничный камень. Огромный гранитный валун, напоминающий пограничный

столб (отсюда и название такое) возвышался на фоне светлеющего неба. Фигуры человека рядом не наблюдалось. Зато, четко был виден силуэт осла, какой-то невообразимой формы. Подойдя поближе, я поняла, почему у осла были видны какие-то выпирающие гугли с обоих боков. Бедное животное было загружено двумя довольно увесистыми тюками. А вот Юрки видно не было. Танька критичным взглядом оглядела осла, и довольно хмыкнула:

– Ну и что я говорила? Юрка твой в своем репертуаре! А сам-то где, баламут? – Чуть не плюнула с досады она.

Я покрутила головой. Юрки, и впрямь, видно нигде не было. Вдруг, из-за камня послышался тихий перебор гитарных струн. Я обрадованно, словно нашла сто рублей в рейсовом автобусе, возвестила:

– Да, вот он, тут, родимый! – И потом, чуть тише, чтобы Юрок не услышал: – Вот видишь? А ты все, «разгильдяй, разгильдяй»!

Но судя по кислому выражению ее физиономии, ни мои слова, ни присутствие друга в назначенное время на оговоренном месте, не переубедили Татьяну в сложившемся у нее мнении о моем друге.

Мы обошли камень, и увидели, что Юрка, привалившись спиной к камню, сосредоточенно что-то мурлычет себе под нос и не обращает на нас ни малейшего внимания. Подошла поближе и, почему-то, шепотом спросила:

– Юр, ты чего?

Друг нетерпеливо мотнул головой и пробормотал скороговоркой:

– Не мешай... Музу спугнешь...

Танька, которая до этого тоже рядом со мной тянула шею от любопытства, плюнула в сердцах.

– Все, идем... Мне этот цирк... – Она, не договорив, махнула рукой и бодро зашагала вперед.

Я, прошептав Юрке: «Догоняй...», кинулась вслед за подругой, на ходу пытаясь оправдать друга.

– Чего психанула-то? Видишь, на человека вдохновение напало. Тебе же нравятся его песни. Пускай себе... Что случилось-то? Сейчас досочиняет и догонит...

Татьяна, сердито сопя, словно я несколько раз подряд отдала ей нарочно ногу, пробурчала:

– Непутевый, он и есть – непутевый! Вот скажи на милость, за каким лядом он приволок этого осла?!

Я пожала плечами, удивляясь, что подруга не понимает таких очевидных вещей. Только открыла рот, чтобы терпеливо объяснить ей причину подобного поведения Юрка, как позади нас раздался насмешливый голос друга:

– Вы же за урюком собрались? А тащить обратно ваши сумки с урожаем кто будет? – И не дожидаясь наших ответов на свой, в общем-то, риторический вопрос, миролюбиво закончил: – То-то же! А так... Животина бесхозная. Ему все равно где гулять, так пускай с нами гуляет, заодно и труд наш облегчит.

Юрка догнал нас, и, идя рядом, задал вопрос, который мне самой следовало уже давно задать подруге:

– Так куда идем, девчонки? Точный план имеется? Или так, куда Бог на душу положит?

Татьяна, все еще не желающая признавать очевидной правоты и логики друга, сердито проговорила:

– В урочище Багыш-Хана идем...

Юрка, не удержавшись, длинно присвистнул, а я, споткнувшись о не вовремя подвернувшийся камень, чуть не сбила Таньку с ног. Приняв обратно устойчивое положение, спросила с недоверчивым удивлением:

– Куда, куда? В урочище Багыш-Хана? Я правильно поняла?

Татьяна остановилась и с вызовом ответила:

– Ты поняла правильно. А что вас смущает? Или в бабкины сказки верите до сих пор? – И не дожидаясь от нас ответа, продолжила запальчиво: – Конечно, путь не близкий. Но зато, там урюка – просто завались. Самый крупный и сладкий там растет. А из-за дурацких суеверий его туда никто собирать не ходит. Вот я и подумала... А что, есть возражения?

Возражений не было. Кому было охота признаваться, что все еще верит в «бабкины сказки»?

Обведя нас своим «орлиным» взглядом, по-видимому, все еще стараясь обнаружить в нас те самые возражения, подруга направилась дальше, почему-то сердито сопя. Сердилась она, скорее всего, на себя саму, но, даже если бы ее пря-

мо сейчас начали резать на кусочки, ни за что бы в этом не призналась. А у меня как-то стало не очень с энтузиазмом. Об этом месте болтали всякое. Люди там пропадали, а еще, ночами пастухи, пасущие отары овец в горах неподалеку, видели в той стороне какой-то странный свет. Овцы, даже оставшие от стада, никогда туда не заходили. Дойдя до определенного места, они словно на невидимую стену натыкались, при этом принимались блять, словно им под хвост засовывали провод в двести двадцать вольт. Собаки, если оказывались рядом с этим местом, принимались жалобно повизгивать, скулить и поджимать хвосты, стараясь как можно плотнее прижиматься к хозяйским ногам. Чего было в этих рассказах больше правды или выдумки, стремящейся как-то разукрасить свою повседневную, обычную жизнь, сказать было трудно. Тайны всегда будоражили воображение человека, вносили в его душу остроту, как крепкий кайенский перец изменял вкус пресной еды, заставляя сердце сжиматься от жуты и восторга одновременно.

Не могу сказать, что я верила всем этим рассказням, которые ходили в отношении урочища, но свято помнила максимуму моей бабули: не бывает дыма без огня. Но ныть и канючить о том, чтобы поменять планы нашего маршрута, не стала. Во-первых, это было совершенно бесполезно, зная Татьянин характер, а во-вторых, признаться не то что друзьям, но даже и себе самой, что я чего-то боюсь, было равносильно ... В общем, сама себя уважать перестану. Но на состоя-

ние духа все эти противоречия, безусловно, оказывали свое негативное влияние. Мое хорошее настроение, словно осел языком слизал. Но я продолжала шагать за подругой, стараясь не думать о плохом.

Понятно, почему Татьяна мне вчера об этом ничего не сказала. Я бы постаралась ее переубедить. Впрочем, думаю, и в этом случае результат бы остался прежним. Пытаясь подстраивать свое дыхание под шаг, вдруг, совершенно неожиданно, в противоречие моим недавним размышлениям, поймала себя на мысли, что мне вот сейчас, прямо в эту самую минуту, захотелось посмотреть на это урочище, хоть из-за камушка, хоть из-за кустика. Узнать, что же такого в этом месте, что при одном только его названии противный холодок плохого предчувствия начинал скручиваться коварной змеюкой в районе солнечного сплетения.

К одиннадцати часам мы уже преодолели порядка пятнадцати километров, и решили остановиться на привал в ущелье, на берегу горной реки. Место выбрал Юрка. То есть как, выбрал. Влез на плоский камень, похожий на огромный блин, который лежал частью на берегу, а частью уйдя в воду, покрутил своей круглой головой и провозгласил:

– Вот здесь и остановимся...

Танька, от вредности своего характера хотела, было, возразить, но глядя на окружавшую нас красоту, вынуждена была молча согласиться. Да у нее язык просто не повернулся сказать свое веское «нет». Оно и понятно... Красота здесь

была, действительно, невообразимая. Горная речушка несла с шумом свои прозрачно-голубоватые воды, грохоча по дну камнями. В ее чистых струях, ловящих на перекатах солнечные лучи, в небольших прибрежных заводях изредка мелькала серебристой чешуей речная форель. Берега речки заросли густыми колючими кустарниками шиповника, ежевикой, дикой яблоней и облепихой, и все это затягивал словно плотной паутиной разросшийся до невозможности хмель, превращая берега, в монолитные зеленые стены, словно укрепления древнего замка.

Юрка, завидев мельтешащую в небольшой заводи рыбу, кинулся к своим тюкам, и начал доставать удочку, которую не забыл прихватить из дома. Осел вдруг, заглушая грохочущий шум воды, душераздирающе заорал, заставив нас с Татьяной подпрыгнуть от неожиданности. Подруга даже схватилась за сердце. Юрка весело прокричал, стараясь перерогать и осла, и реку:

– Пить хочет, скотина! Нюська, напои пожалуйста, а у меня во, – он потряс удочкой в воздухе, – добыча наклевывается!

Тут следует пояснить, что Нюська – это я. Вообще-то, меня зовут Анной. Как-то Юрка услышал однажды, как моя бабуля называла меня Нюсей. Ему это очень понравилось, и с этого момента, он никак иначе меня больше уже не называл. Татьяна, наверное, назло Юрку, упрямо продолжала называть меня Анютой. Пару раз я ей намекнула, что мне не

нравится, когда она меня так зовет, тогда уж лучше Анной, на что подруга отрезала, что своего имени в любых его интерпретациях стыдиться не стоит. Спорить с ней было бесполезно, и я махнула рукой. Да, хоть горшком, лишь бы в печку не ставили! Волосы у меня пепельно-русые, немного волнистые, и по этой причине, торчавшие в разные стороны, как говорится, куда черт положит. Поэтому я их, по детской привычке, заплетала в две косы. А глаза зеленые. Иногда, когда я очень злилась, они могли стать карими, или даже почти черными, но такое случалось крайне редко. Характер у меня был незлобивый и покладистый. Хотя, бывали моменты, когда я могла упереться не хуже того осла. И уже тогда, как говаривала Татьяна, туши свет, кина все равно не будет. Правда, подобное со мной случалось довольно редко, поэтому, отнести данную черту своего характера к недостаткам я не спешила.

Итак, выполняя просьбу друга, взяв ослика за повод, я потащила его к воде. Именно, что потащила. Он упирался всеми четырьмя копытами, из чего я сделала вывод, что не очень-то он и хочет пить. Пока я возилась с этой непослушной скотинкой, Танька, как заправский командир партизанского отряда, влезла на камень, и принялась оглядывать окружающие нас склоны в свой замечательный бинокль. Длилось это недолго. Спрыгнув с камня, она, с непонятным огорчением, пробурчала себе под нос:

– Никого...

Я усмехнулась.

– А кого ты ожидала увидеть?

Подруга пожала неопределенно плечами, и ответила так же неопределенно:

– Да хоть кого-нибудь...

Настаивать на более подробном ответе я не стала. А Татьяна, глянув хмуро на Юрку, который уже готовился забросить удочку в воду, проорала (не иначе как из вредности):

– Ты там надолго не раскладывайся! Пол часика отдохнем – и в путь!

Юрка сделал вид, что Танькиных воплей не услышал. А я миролюбиво проговорила:

– Чего ты... Мы же не на спринтерской дистанции. Пусть половит. Глядишь, на ужин свежая форель, запеченная в глине, будет.

Подруга презрительно вскинула брови, и пробурчала:

– Дождешься от него... – И стала вытаскивать из своего рюкзака бутерброды.

Спорить я с ней не стала. Если честно, утомили меня их взаимные щипки и ужимки. И я решила: пускай сами разбираются! Не буду я больше никого и ни в чем убеждать! Не успели мы откусить по кусочку от своих порций, как со стороны реки раздался восторженный вопль, больше похожий на победный клич индейцев. Юрка, чуть не ломая ноги о прибрежные камни, бежал к нам, а в руке у него на леске трепыхалась довольно приличная рыбина. Пока он был еще

не совсем рядом, я, не удержавшись, ехидно бросила:

– А кто-то говорил, мол, не дождешься... – На что подруга только сурово нахмурилась.

Рыба была торжественно завернута в большие листья мать-и-мачехи, и прибрана в сумку. Мы уже дожевывали свой завтрак, когда Юрок, с набитым ртом, спросил:

– А кто такой был, этот Багыш-Хан? Почему то место так называли?

Татьяна посмотрела на него с легким сожалением. Весь ее вид словно говорил: «Ну что с него взять, троечник...» Чтобы не вызывать новую волну едких замечаний, я торопливо проговорила:

– Это древняя легенда гор. Жили здесь в незапамятные времена муж Тянь-Шань и его жена, красавица Иссык. Детки у них были. В общем, все было бы у них хорошо, если бы, недалеко от них не простирались владения этого самого Багыш-Хана. Слыл он черным колдуном. Однажды, проезжая мимо юрты Тянь-Шаня и Иссык, увидел хан красавицу, и влюбился в нее. Нет... Точнее, не влюбился, а возжелал. Потому что любовь предполагает совсем другие чувства и эмоции. И вот, когда Тянь-Шань пас далеко от дома свои отары, велел Хан своим нукерам выкрасть красавицу Иссык. Вернулся пастух домой и не застал там жены. Тогда он кинулся в погоню. Выслал против него злобный колдун несметные полчища, но разметал богатырь всех приспешников хана. Испугался колдун, превратился в орла, схватил Иссык в

когти и взмыл высоко в небо. А на Тянь-Шаня наложил заклятье, чтобы тот превратился в камень. Чувствуя, как каменеют у него ноги, богатырь вложил стрелу в лук и выстрелил в Багыш-Хана. Стрела достигла цели, ранив колдуна в крыло. Разжал он когти, выпустив женщину и проклял ее вслед, пожелав, чтобы стала она водой и ушла под землю. Ну, это из серии «так не доставайся же ты никому». Но муж Иссык рванулся изо всех сил, чтобы успеть поймать жену, и окаменел. Вот так, он превратился в эти горы, а она стала хрустально-чистым озером в его ладонях...

Ребята слушали меня, как завороченные. Когда стало понятно, что я закончила рассказ, Танька вздохнула с некоторым сожалением и пробормотала:

– Вот это любовь...

А Юрка задумчиво пробурчал:

– Урод этот хан... – А потом, с прищуром глянул на подругу и, почти возмущенно, проговорил: – Так это урочище названо именем этого колдуна? И ты не придумала ничего лучше, как тащить нас именно туда?! Тебе что, в других местах урюка мало?!

Татьяна в долгу не осталась, и у них опять началась перепалка. Слушать мне все это надоело, и я рявкнула:

– Хватит!!! Все, привал окончен, пойдемте дальше. Хотелось бы засветло дойти до места и успеть урюка набрать. Переночевать спокойно, – выделила я интонацией последнее слово, – и счастливыми, и довольными вернуться домой!

Не дожидаясь ни от кого ответа, я сложила остатки еды в рюкзак, закинула его за плечи и зашагала вверх по течению.

Глава 3

Дальше по ущелью подниматься стало труднее. Людские тропы закончились, дальше шли только звериные. А зверям, как известно с их небольшим ростом, лапками и копытами, пробираться под зарослями по каменистой почве намного легче, чем неповоротливым людям. Наконец, уже после обеда, мы добрались до того места, где кончалось ущелье. Небольшой водопад низвергался с приличной высоты, разбрасывая радужные блики преломленных солнечных лучей. Присели на камни немного передохнуть, а заодно и провести небольшой совет. Юрка первый выступил с предложением. Внимательно оглядывая горные склоны, он проговорил:

– Предлагаю, перейти перевал, и остановиться на ночевку на склоне. Спокойно переночевать, а утром спуститься в урочище, набрать урюка, и сразу отправиться в обратную дорогу. Не хочется мне что-то в урочище имени этого колдуна на ночь оставаться.

Татьяна было открыла рот, чтобы, как обычно возразить другу, но я ее опередила. Торопливо проговорила, глядя на подругу со значением:

– Целиком поддерживаю. Мне тоже как-то не хочется провести в том месте ночь. Можете считать меня кем угодно, но спать я буду спокойнее подальше от того места. – И сурово сдвинула брови, чтобы дать понять Татьяне, что я не шучу.

Подруга, к моему величайшему изумлению, возражать не стала. Подозреваю, ей самой было бы не по себе провести всю ночь в этом урочище. Сказки-сказками, но, как мы знаем из нашего детства, сказка – ложь, да в ней намек... В общем, в этот раз мы проявили завидную солидарность по поводу места нашей будущей ночевки.

Дальнейший путь у нас занял намного больше времени и сил, чем мы предполагали. Овечьи тропы, коими здесь был испещрен весь склон, подходили больше для овец, а не для людей. Правда, наш ослик шел довольно бодро, и, похоже, не испытывал наших трудностей. Хотя, кто его на самом деле знает? Он ведь с нами своими ощущениями не делился. Юрке мне следовало сказать спасибо за него. Потому что, мой рюкзак на перевал тащил тоже ослик. Танька из упрямства несла свой рюкзак сама. На самом деле, она должна была испытывать к нашему четвероногому другу родственные чувства, так как характером они были очень схожи.

Наконец, взойдя на самую седловину, мы остановились на отдых. Солнце здесь, по-прежнему, светило, не замутненное ни одним облачком. Только свет его был более яростным, что ли. Но его лучи уже не грели так, как грели в ущелье. Здесь ему на помощь пришел ветер, которого не было внизу. Сначала, он приятно охлаждал наши вспотевшие тела, но через некоторое время, приятным его у меня бы язык не повернулся назвать. Я, было, полезла за теплой курткой, но Юрка предложил, плюнув на усталость, здесь не задерживаться и

спуститься ниже по склону. Отдых пришлось сократить до минимума. Да и какой может быть отдых, когда от холодного ветра зуб на зуб не попадает?

Мы стали спускаться в распадок между двумя склонами. Татьяна, оглядев местность, проговорила:

– Вот, вдоль распадка чуть наверх поднимемся, за ту горку заглянем, там и урочище уже начинается...

Я кивнула головой, а внутри у меня как-то все сжалось. Наверное, от холода, а может от каких-нибудь предчувствий. Хотя, какие предчувствия, когда тебе семнадцать, и впереди вся жизнь, наполненная интересными открытиями, и новыми дорогами?! И я постаралась отогнать все тревожные мысли и ощущения, возвращая свое состояние вновь к беззаботной радости. Спускались вниз мы тоже не очень быстро. Спуск, как известно, всегда тяжелее подъема. Мысленно я благодарила подругу за ее «пятиутренние» пробежки. Без подобной подготовки мне сейчас бы пришлось намного хуже.

К тому времени, как мы оказались на самом дне распадка у куртин диких яблонь, рядом с которыми из-под камней бил небольшой родник с ледяной водой, солнце уже скрылось за горами. Юрка покрутил головой, и озабоченно проговорил:

– Здесь и на ночевку остановимся. В горах темнеет рано.

Подруга по-деловому посмотрела на свои часы, и пробурчала:

– Какая ночевка... Время еще только шесть часов...

Я тоже огляделась по сторонам. То радостное состояние, которое не покидало меня всю дорогу, пока мы были в ущелье, да и на подъеме, куда-то незаметно испарилось. Стоило только солнцу спрятаться за ближайшей вершиной, как сумрак стал окутывать горы, словно невесомой голубовато-сизой дымкой. И мир изменился, изменился в один момент, превратившись из радостного и светлого, в суровый, таящий в себе неведомую пока, но уже очень хорошо ощутимую угрозу. Некая угрюмость проглядывала в нависших скалах, по зарослям кустарников и деревьев притаились, словно зверь в засаде, тени, будто только ожидающие чьей-то команды, чтобы выскочить и заполнить собой все пространство. Хотя, небо над головами все еще оставалось чистым и прозрачно-ясным, но как раз-таки эта бесконечная, бездонная синева небесного купола, очень контрастно разделяла мир на две части. Один, подвластный только птицам, существующий где-то на недостижимой для человека высоте, где все еще царили свет и тепло, который еще продолжали согревать лучи дневного светила. А другой, уже покинутый солнечным светом, был здесь, на земле, вокруг нас. Я невольно зябко передернула плечами, и в голову пришел дурацкий вопрос, почти по классику: «Отчего люди не летают?»

Я не первый раз оказывалась в горах в такое время, но почему-то именно в этот раз, резкая контрастность неба и земли заставили меня пожалеть, что я сейчас здесь, а не в спокойном, защищенном от всего мрака собственном доме,

и рядом со мной не мурлычет знакомо и уютно мой кот Маркиз. Но это чувство было мимолетным, как порыв ветерка, который взметнул пыль с прогретой солнцем дороги и умчался дальше.

Но с Юркой я была согласна. На ночевку следовало останавливаться здесь и сейчас. Чтобы не создавать лишней темы для дебатов между Татьяной и другом, я проговорила спокойно и внушительно, глядя на подругу:

– Сама знаешь, в горах темнеет быстро, оглянуться не успеешь, а уже кругом будет темнота, хоть глаз выколи. А мы сейчас, пока еще есть немного времени, соберем дрова для костра, сварим каши, расставим палатку, и ночь нам будет не страшна...

Думаю, Татьяна была со мной и так согласна. Просто немного вредничала перед Юркой. Нет... Точно, влюбилась, не иначе. В общем, мы занялись подготовкой к ночевке. Юрка достал из своих тюков спальник, и сказал, что он предпочитает спать под открытым небом у костра. Думаю, он просто проявил деликатность. Палатка-то была двухместной. И это его заявление, почему-то Таньку огорчило. Думаю, ей тоже захотелось провести ночь под открытым небом. Я только усмехнулась про себя, глядя на ее хмурую и немного разочарованную физиономию.

Ночь напрыгнула на нас, словно притаившийся за углом бандит, неожиданно и резко. Еще мгновение назад, заснеженные пики гор горели алым закатным светом, словно ма-

яки, указывающие дорогу усталым путникам, и вдруг, в одночасье, сумрак затопил все вокруг, словно внезапно нахлынувший потоп. Прохлада окутала нас своим плащом, но возле жарко горящего костра, это было не очень чувствительно.

Я занялась приготовлением каши. Для этой цели Юрка вырезал мне из ветки яблони палку, наподобие ложки с большим черенком. Ослика на ночь разгрузили, и привязав его к длинному поводу, пустили пастись. Без привязи эту упрямую скотинку оставлять было нельзя. По своей бродяжьей привычке он мог убрести Бог знает куда. Ищи его потом по всем горам! А мы уже (точнее, я) привыкла, что часть поклажи он тащит на своей спине.

Каша была готова, и мы сели ужинать. Почему-то, то ли от усталости, то ли окружавшей нас плотной стеной непроглядной тьмы, разговаривать как-то не хотелось. Противный осел, учуяв запах каши, плюнул на жиденькую травку и колючие кустарники, росшие вокруг, припелся к костру и прямо у нас над головами принялся истошно орать. Мало того, что он напугал нас своими воплями до полусмерти, так еще, горы подхватив его крик, раздробили его на множество осколков и по склонам понеслось «А-а-а-а...». Словно в ответ, где-то далеко завыл шакал. Этот вой подхватило еще несколько его сородичей. В общем, какофония началась еще та, и эффект получился незабываемым. Чтобы утихомирить как-то животину, Татьяна, изредка опасливо поглядывая в темноту (хотя, с чего бы это?), выгребла из котелка остатки

каши и выложила ее на ближайший камень. При этом, она недовольно ворчала:

– Все ослы, как ослы, травку едят, ну, в крайнем случае, кустики, а тебе, вишь, каши подавай!! Гурман, блин, нашелся...!

На самом деле, Танька была доброй, и всех бездомных кошек-собак привечала, кормила, лечила и все в этом духе, за что дома ее даже стали называть «кошачья мама». А на осле она просто вымещала свое недовольство собой, не более того. И, разумеется, ей не было жалко для животинки каши. Когда мы поели, Юрка взялся за гитару. Тихие переборы струн заставили нас забыть обо всех шакалах, сумраках, непроглядных мраках вместе взятых. И мы замерли, и почти не дыша, внимали (именно, что внимали, а не слушали) каждое слово песни. Простой песни о дружбе, о верности, о чести и преданности, о бесконечно-изумляющем мире, в котором мы живем. Слова были простыми, и вряд ли кто мог бы их назвать изысканными, но в сочетании с музыкой, они проникали в самое сердце, заставляя... Мечтать? Думать о чем-то несбыточном, но таком желанном? Не знаю, мне трудно было ответить на эти вопросы. Я просто наслаждалась моментом, не думая ни о прошлом и не загадывая в будущее. Вот есть здесь и сейчас: костер, кидающий снопы искр куда-то вверх, ночное иссиня-черное бархатное небо над головой, усыпанное огромными лохматыми звездами, мерцающими призывно и загадочно. А главное, вот они, мои дру-

зья, рядом со мной! И я чувствую их эмоции, слышу, как в такт с моим бьются их сердца, вижу блеск их глаз, и от этого простого, накатывает такое огромное, совсем обычное счастье, что от его избытка, переполняющего душу, почему-то хочется плакать.

Сколько времени мы просидели у костра, слушая Юркины песни, я не знаю. Да и кто его считает, время в такой-то обстановке. Просто, я почувствовала, что еще немного и я нырну головой прямо в костер, не сумев побороть сонной усталости. Помню, только Юрка, все еще теребя струны на гитаре, бросил мне снисходительно- насмешливо вслед:

– Спите, девчонки, я посторожу...

Помню, я только в ответ кивнула головой (причем, моего кивка никто не увидел. Получается, я сама себе кивала), да успела добрести до своего верблюжьего одеяла, как все вокруг меня провалилось в сонное небытие. И ни вой шакалов, ни перебор гитары, ни тихие разговоры подружки с Юркой, не вторгались в мой сон.

Я проснулась резко от того, что кто-то дергал меня за ногу, и голосом Таньки надсадно с нескрываемым раздражением и досадой шептал:

– Нюська... Нюська...!! Вставай, соня!!! Да, просыпайся же ты!!!

В первый момент, я удивилась. С чего бы вдруг Татьяна стала звать меня Нюськой? Но сонную одурь с меня сдуло в один момент, когда Татьяна, с некоторым облегчением, вы-

дохнула:

– Ну, наконец-то!!! Тебе бы в пожарники... Вставай, там такое творится...

Торопливо выпутавшись из теплых объятий одеяла, я выползла из палатки, и слегка обалдела. Действительно, в горах что-то творилось и именно, что «такое». Цепочка огней, напоминающая тушу ползущего огненного змея, бравшая начало у самого подножья небольшой горы, ползла, извиваясь по склону. Добравшись до самой вершины, она стала свиваться спиралью, начало которой было на земле, а верх уходил далеко в небо. Затем, эта спираль как будто сжалась в плотный ком, зависая над самой вершиной, а затем, огненной лавиной обрушилась за гору. Раздался далекий хлопок, словно одновременно лопнуло несколько тысяч бумажных пакетов, накачанных воздухом. По ушам резанул тонкий пронзительный визг, затем последовала оранжевая вспышка над горой, и... все закончилось. Через мгновение окружающий мир вновь погрузился в темноту и тишину.

Если кто-то решил, что мы испугались, то он ошибся. Мы просто остолбенели, обалдели, офонарели (и еще много каких подобных слов можно было назвать, чтобы выразить наше в тот момент состояние), продолжая глядеть в ту сторону, где еще мгновение назад был весь этот фейерверк. При этом, кажется, забыв, что нужно дышать. Даже наш осел стоял молча, не подавая никаких признаков жизни, не издавая ни звука. В общем, впечатление на всех эта феерия произве-

ла неизгладимое, незабываемое, и еще много чего с приставкой «не». Не знаю сколько мы так стояли, будто памятники сами себе, пока Юрка первым, на шумном выдохе, произнес:

– Ни хрена себе... И что это было?

По понятным причинам, ответа он от нас не дождался. А я, медленно повернув голову к подруге, с намеком на возмущение, спросила:

– И это ТУДА мы идем за урюком?

Татьяна, все еще пребывающая в изумленно-восторженном состоянии, никакого намека на это самое возмущение в моем вопросе не расслышав, продолжая глядеть в ту сторону, где угасло зарево, восторженно выдохнула:

– Точно...! Туда...!

И тут, наконец, подал голос наш осел. Он заорал истошно (впрочем, как обычно), перепугав нас до полусмерти, но при этом, заставив несколько очнуться от того ступора, в котором мы еще продолжали пребывать. Танька сердито гаркнула, не уступая животине по громкости:

– А ну, заткнись, Кеша, без тебя хватает...! – Осел на ее крик, как-то сдавленно икнул и затих. Вот что значит сила слова! Причем, не абы какого, а Танькиного.

Я даже сумела удивиться:

– Что еще за Кеша?

Татьяну мой вопрос почему-то смутил. Как-то не очень решительно, будто оправдываясь, она промямлила:

– Ну... Мы так решили его назвать. А то, как-то не по-

человечески получается. Как-никак, он член нашей экспедиции. Вот и придумали ему имя, Иннокентий. А что, тебе не нравится?

У меня хватило силы тихонько хмыкнуть, и ответить по-друге с легкой насмешкой:

– Отчего же? Хорошее имя для члена экспедиции.

Но, если Татьяна думала, что это ее «мы» останется мною незамеченным, то она очень ошибалась. Даже шок от увиденного не помешал мне этого подметить в ее короткой фразе. Но, сделала я это как-то мимоходом, напомнив себе, что обязательно нужно потом поговорить с Юркой. Потому как, если этот балбес разобьет моей подруге сердце, то я с ним церемониться не стану. Оборву и отрежу все чувствительные для него органы. Но все это как-то само собой отодвинулось во второй план. А на первом было... Понятно, что было сейчас главным. Один единственный вопрос, который Юрик озвучил первым: ЧТО ЭТО БЫЛО?

Постояв еще немного, ну уже как-то более осмысленно, что ли, мы присели к потухающему костру. Юрка подбросил несколько кривых палок в рдеющие угли, все еще поглядывая в сторону горы. Вид он при этом имел весьма задумчивый. Татьяна смотрела на разгорающийся огонь с отсутствующим видом, мол догадайтесь, о чем я думаю. Осел, вновь нареченный заковыристым именем Иннокентий, тоже, кажется, задумался. Опустил морду к земле, и вяло хрумтел там какой-то колючкой, едва помахивая своим понуро опу-

ценным хвостом. И этот несчастный вопрос, похоже одной мне жег язык. Не выдержав этой всеобщей задумчивости, я, изображая бодрую деловитость, спросила:

– Ну, и...? У кого какие мысли на этот счет? – И не дожидаясь ответа от друзей, поспешно добавила: – Только не убеждайте меня, что все, что мы тут видели, все это было общей галлюцинацией. Никаких травок мы с вами не пили, не курили. Я вообще ярый противник подобных гадостей! Так что... Кто первый?

Юрка, оторвавшись от подбрасывания дров, дал, на мой взгляд, самый правдивый и конкретный ответ. Пожав плечами, он проговорил:

– А хрен его знает...

Татьяна, отлепив свой взгляд от огня, посмотрела на друга, потом на меня, и промямлила:

– Какие-нибудь огни Святого Эльма...

Я, чуть прищурившись, глянула на нее с усмешкой:

– Напомни, подруга, что у тебя было по физике?

Танька, фыркнула, и ответила с вызовом:

– Пять у меня было! И что?

Я только головой покачала.

– Тогда какого лешего ты нам про огни Святого Эльма тут толкуешь? Они могут появиться только в сильно наэлектризованной атмосфере в начале или после грозы. Это – во-первых. Где ты тут грозу увидала? Небо чистое, звезды ясные. Так что, не морочь голову. Я полагаю, ты тоже не можешь

дать всему увиденному толкового объяснения. Впрочем, как и я, как и Юрий.

Юрка глянул на меня с хитрецей, и произнес нараспев:

– А у меня по физике трояк всегда был... Так что, умных ответов от меня не ждите...

Татьяну мои слова немного рассердили. И она запальчиво произнесла:

– Ну и что это, по-твоему, было? Привидения вылезли из-под горы? Или овцы по горам с лампочками в зубах бегают?

Я миролюбиво ответила:

– Ну чего ты? Я же тоже не вижу никакого разумного объяснения произошедшему. Значит что?...

Друзья устали на меня. Я понимаю, что любой здравомыслящий взрослый человек при первом проблеске зари, схватил бы жечи на плечи, и вместе с ослом, плюнув на весь урюк вместе взятый, рванул бы домой. Но мы-то не были здравомыслящими. Поэтому, на вопросительные взгляды ребят, я с улыбкой проговорила:

– Значит, нужно пойти и посмотреть, что там такое!

Татьяна испуганно вскинула на меня взгляд:

– Сейчас?!

Я замахала на нее руками.

– Ночью, в потемках? Да мы там все ноги переломаем... Конечно, это надо сделать утром. Ведь мы и так собирались туда идти. Разве нет?

Подруга на мгновение задумалась, а потом, эхом протя-

нула:

– Собирались... – И, вдруг, озорно подмигнула.

А Юрка расхохотался, приговаривая при этом сквозь взрывы смеха:

– Ну девчонки...! Ну вы даете...!!!

Не стоит и говорить, что спать уже никто не лег. Весь остаток ночи мы просидели у костра разговаривая обо всем и ни о чем, изредка поглядывая в сторону горы, за которой лежало загадочное Урочище Багыш-Хана. Но о чем бы мы не говорили, время от времени кто-нибудь из нас задавал вопросы, наподобие: «А существуют ли на свете колдуны?» (это Юрка), или «Что истина, а что выдумка в легендах?» (это Татьяна). Не конкретно в этой самой, про Иссык и Тянь-Шаня, а вообще, во всех легендах? Я, в отличие от подруги, не была столь ярким материалистом, хорошо понимая, что в этом мире еще много всякого, которое просто невозможно впихнуть в рамки наших куцых знаний. Не наших с друзьями конкретно, а вообще, в рамках всего человечества (эк, яхватила!).

Так, за разговорами, мы не заметили, как небо начало светлеть. Верхушки гор вспыхнули розовым светом, но в распадке все еще царствовал сумрак, не желающий уступать свое место новому дню. Мы сложили палатку, набрали свежей родниковой воды в бутылки, а Юрка загасил костер. Трава, покрытая обильной росой, словно девичья покромка¹ мелким речным скатным жемчугом, склоняла свои стебли до

¹ Покромка – узкая полоска ткани, используемая в качестве пояска или ленты.

самой земли. Ноги моментально промокли, но мы не обращали на это внимания, не до того было. Словно Ромео, спешащий на свидание со своей Джульеттой, мы спешили покинуть наше ночное пристанище, чтобы поскорее оказаться на склоне горы, где вчера заметили светящиеся огни. Страха, почему-то не было вовсе. А была какая-то страсть, граничащая с лихорадочным безумием, что можем не успеть. Куда не успеть, а главное, зачем? Подобные вопросы даже не приходили нам в голову. На лицах друзей читалось точно такое же нетерпение, какое ощущала и я сама, поскорее добраться ТУДА. Это напоминало какую-то болезнь, которой мы разом все заболели в одночасье. Но разум при этом оставался вполне себе здравым, голова мыслила четко и ясно.

Но горам до нашего нетерпения не было никакого дела. Дорог здесь не было. Не было даже и овечьих троп, которыми можно было бы пробраться. Сплошные развалы камней от самых маленьких до довольно крупных булыжников, между которыми росли пучки мятлика с сиреневатыми метелками колосков. Иннокентий их, кстати, очень охотно поедал. И ему, кажется было, так же, как и горам, глубоко безразлично наше стремление побыстрее оказаться на том склоне. Юрка с ним уже извелся. Он применил к ослу все возможные способы и степени уговоров и угроз, чтобы заставить упрямую животину идти хоть чуточку побыстрее. Но все его старания разбивались, словно морские волны о непреступные скалы ослиного упрямства. Тогда за дело принялась Татьяна. Она

как-то изменилась после сегодняшней ночи. Не проявляла больше раздражения, не кривила презрительно губ и не отпускала едких ехидных замечаний в адрес друга. Молча подойдя к лютующему от негодования Юрку, она забрала повод у него из рук, подошла к Иннокентию, и, глядя тому в глаза, внушительно проговорила:

– Кеша, я считала тебя умным животным. Но если ты продолжишь и дальше себя вести подобным образом, мы бросим тебя здесь одного. А ночью тут полно шакалов, ты сам слышал их вой. Так что выбирай, чья компания тебе больше нравится, наша или шакалячья.

Я, было, хотела ей ехидно напомнить, как она, совсем недавно выговаривала мне за мое обращение с котом. Но, только я успела открыть рот, как тут же его и захлопнула. Причиной такой моей сдержанности послужило поведение осла. Он, вдруг, бросил облюбованный им кустик, и рванул вперед, чуть ли не волоча Таньку на поводке за собой. Видимо, наша компания его устраивала больше. Я только в восхищении выдохнула:

– Тебе надо не в медицинский поступать, а в цирковое училище, на дрессировщика...

На что подруга только неопределенно хмыкнула мне в ответ и проговорила, со значением глядя на Юрку:

– Любая женщина уже немного дрессировщик, от рождения, можно сказать...

А я подумала, что очень славно, что Юрок не заметил это-

го взгляда. Да, кажется, между этими двоими что-то намечалось. И не факт, что в этот раз мне предстоит обрывать (или отрезать, не помню, чем я там уже грозилась) что-то у Юрика.

До интересующего нас склона мы добрались, когда солнце, наконец, заглянуло в наш распадок. При солнечном свете нам вообще стало спокойно. Все тревожащие мысли, кои я старалась спрятать вглубь своего сознания, совсем как-то потускнели и растворились под ласковыми лучами светила. Дойдя до середины горы, мы остановились, и принялись оглядываться по сторонам. Татьяна проговорила несколько озадаченно:

– Кажется отсюда начали свой подъем эти огни. Смотрите на земле ребята, должен же был остаться какой-то след!

Мы с ней принялись рыскать, словно две ищейки, чуть ли не носом нюхая землю. Наверное, этому занятию мы бы предавались до самой темноты, если бы нас не окликнул Юрка.

– Смотрите... – Он указывал на небольшой, сантиметров в тридцать-сорок, камень, торчавший наполовину из земли.

В первый момент, мы с интересом уставились на кусок гранита, утопающего в земле и уже обросшего понизу кружевом из разноцветных лишайников и мха. Но, ничего интересного в этом экземпляре мы, увы, не заметили, и обе, вопросительно, ожидая пояснений нам бестолковым, воззрились на Юрку. А он, не замечая наших взглядов, с огромным интересом изучал ничем не примечательный, на наш взгляд,

булыжник. Танька не выдержала первой. Без какой-либо доли язвительности, что вызвало у меня очередной всплеск изумления, она спросила:

– И чего такого в этом камне? Что ты там обнаружил?

Юрка, несколько удивленный нашей несообразительностью и невнимательностью, тут же ответил:

– Да вот же, смотрите...

Мы поглядели. На внутренней стороне камня, обращенной к вершине, поперек поверхности, блестела на солнце глубоко выплавленная в твердом гранитном боку борозда. Именно, что выплавленная! Не выжженная, не выбитая, а выплавленная!!! Она ярко сверкала на солнце стеклянным блеском, который не оставлял никаких вариантов для фантазий или вариаций по поводу способов, каким она была сделана.

Глава 4

Юркина находка нас всех несколько озадачила. Татьяна, смешно морща нос и сдвигая на переносице брови, выдала через несколько минут информацию из школьной программы:

– Кажется, гранит плавится при тысяче двухстах градусах по цельсию, так?

Я любила во всем точность, если не сказать, въедливость, поэтому тихонько пискнула:

– При тысячи двухстах пятидесяти, или шестидесяти... Если под давлением и с применением воды, то температура плавки гранита снижается до шестисот пятидесяти градусов...

Танька отмахнулась от меня:

– Пятьдесят градусов плюс, минус, значения не имеют, по крайней мере, в данной ситуации для нас. А ты, ходячий справочник, лучше ответь мне, откуда тут взяться ТАКИМ температурам, и, тем более, таким давлениям с водой, а?! Где ты тут нашла воду?! Да и будь здесь такая температура, все вокруг бы уже превратилось в стекло или сгорело нахрен!

Чувствовалось, что подруга слегка психует из-за того, что не может контролировать или, по крайней мере, хотя бы объяснить возникшую ситуацию. Пока мы с Татьяной спорили по поводу научных технологий, Юрка, оставив осла жевать

очередную колючку, медленно поднимался в гору по серпантину так, как двигались вчера здесь огни, осматривая внимательно что-то у себя под ногами. Не доходя до вершины, он остановился и прокричал, обращаясь к нам:

– Девчонки...! Хорош спорить!!! Идите сюда!!!

Мы дружно замолчали, и, не сговариваясь рванули к нему, надеясь, что он что-то такое обнаружил, что поможет объяснить возникновение нашей находки (точнее, его находки). Поднимались по прямой, не повторяя его путь. Так было быстрее. Запыхавшись, мы остановились рядом с Юрком рядом, и принялись крутить головами, выискивая эту самую разгадку. Но, то ли потому, что слишком суетились, то ли потому, что просто не знали на что нужно было обратить внимание, ничего из того, что мы ожидали увидеть, мы не обнаружили. Тогда, с вопросом в очах, мы уставились на друга. Татьяна первой спросила:

– Ну и чего ты тут такого обнаружил?

Юрка молча ткнул пальцем вниз склона. Проследив направление его пальца, мы по началу ничего особо примечательного не увидели. Татьяна, решив, что он над нами просто подшучивает, сразу ринулась в атаку (но, замечу, без язвительности или ехидства, что само по себе, говорило уже о многом).

– Ну и чего? Кешка дожевывает какую-то колючку... Это что, по-твоему, достойно внимания?! И ради этого стоило нам нестись сюда, как отставшим от поезда?! То же мне, шут-

ник, блин!

Юрка укоризненно посмотрел на подругу:

— Да нет... Курицы вы слепые! Вон... Посмотрите на землю! Ничего странного не замечаете?

Мы опустили взгляды ниже и, наконец, обнаружили то, что нам показывал Юрок. Почти точно такие же камни, как и тот, первый, с оплавленной поперечной бороздой, стояли в рядок, отступая друг от друга метра на полтора. Только вот, с рядком я погорячилась. Эти гранитные булыганы располагались так, что создавали на земле рисунок наподобие спирали, поднимающейся в гору, похожей на домик улитки. Широкая полоса охватывала почти всю середину склона, постепенно сужаясь к вершине горы. Кое-какие из камней, почти полностью ушли в землю или просто рассыпались от времени. И не мудрено! Дожди, ветра, разности температур сделали свое дело. На их месте выросли либо небольшие кустики, либо колосились пучки жесткого ковыля. И это говорило о том, что лежат они тут не десять, не двадцать, и даже не сто лет! А намного, намного дольше. И что еще было в них примечательно, это то, что на внутренней стороне каждого из них поблескивала стеклянным сиянием в солнечных лучах проплавленная полоса.

Несколько минут, в некоторой растерянности, мы пялились на это непонятное, не находя совсем никаких разумных, на наш взгляд, объяснений сему факту. Я осторожно спросила, обращаясь неизвестно к кому:

– Ну... И что это значит?

Было совершенно ясно, что вразумительного ответа я не получу ни от кого. И тут, Иннокентий, оторвавшись от своего куста, вдруг истошно заорал на всю округу:

– И-а-а-а...!!!

Мы переглянулись друг с другом, и не сговариваясь, прислули от смеха. Закончив веселиться, Татьяна проговорила:

– Похоже, Кеша лучше нас знает ответ на этот вопрос. Только вот беда, его языка мы не понимаем...

Юрка внимательно посмотрел на нашего четвероногого друга, словно пытаясь перевести на человеческий язык его вопль, вдруг серьезно проговорил:

– А знаете, я ведь шел сюда не как вы, напрямки. Я шел точно по этим линиям, которые очерчивают камни. И что-то такое почувствовал... – И он, словно специально, испытывая наше терпение, замолчал на самом интересном месте. И продолжал молчать, как пень, с умным видом глядя вниз со склона.

Подождав немного в ожидании продолжения его «что-то такое почувствовал», и так ничего и не дождавшись, я, вдруг рывкнула:

– Юрка!!! Я тебе сейчас в нос залеплю!!! Что за привычка тянуть кота за хвост!!! Говори немедленно, что именно ты почувствовал!!! Потому что, «что-то такое» нам ни о чем не говорит!

Не ожидавший от меня, всегда спокойной и уравнове-

шенной подобного взрыва эмоций, Юрик чуть на месте не подскочил. Отодвинувшись от меня, на всякий случай, на несколько шагов в сторону, он проямлил:

– Чего орешь-то, словно Кешка, будто колючка под хвост попала?! Я и сам толком не могу понять, что именно почувствовал. Будто какое-то покалыванье во всем теле. Знаете, это когда руку отлежишь, а потом она отходит... Вот, что-то наподобие. – И он виновато посмотрел, почему-то на Таньку. Будто бы оправдывался перед ней. А эта зараза при этом ласково ему улыбалась!!! Я даже как-то почувствовала себя здесь лишней.

Но срываться в истерику я не планировала, всегда считала себя человеком дела, а не скандалов. Серdito нахмурившись, я решительно зашагала вниз с горы обратно. Наконец-то заметив меня, точнее, мой поступок, подруга растерянno и как-то жалобно, словно в одночасье осиротев, мявкнула:

– Нюська... Ты куда?

Я, шагая напролом через кусты и камни, и яростно при этом размахивая руками, словно солдат на параде, пробурчала себе под нос:

– Куда, куда... На Кудыкину гору, блин! – Но друзей я любила и не хотела, чтобы они чувствовали себя виноватыми, поэтому, не оборачиваясь, громко проорала: – Хочу пройти, как Юрка! Тогда, может, тоже «что-то такое» почувствую. И, пожалуй, наконец пойму, что же это такое на самом деле

есть!!!

Танька, вроде бы, собралась мчаться за мной, но ее остановил Юрка. Как ни крути, а он меня знал намного лучше подруги. Конечно, я этого видеть не могла, потому как, шла не оглядываясь. Но слышала-то я прекрасно. С легкой насмешкой он проговорил:

– Оставь... Пускай попробует... А двоих вас я на плечах, даже и с ослом отсюда, в случае чего, не вывезу...

Вот же...!!! А еще друг называется!!!

Спустившись до камня, который мы обнаружили первым, я внимательно осмотрела место вокруг. Снизу этого было не заметно никакого такого рисунка, а вот сверху... В общем, не долго раздумывая, я пошла по склону, строго соблюдая рисунок тропинки, если это так можно было назвать. На первом витке я не почувствовала ничего. Хотела, было, уже плюнуть, подняться напрямки и высказать Юрику все, что я о нем и о его шутках думаю. Но вот, стоило мне только перейти на следующий «виток», как я поняла, что имел ввиду друг, говоря про онемение и свои ощущения после этого. По телу побежали словно мурашки. Причем, свой путь они начинали именно от стоп ног. По началу, это было даже немного приятно, но вот потом... Маленькие мурашки сначала превратились в муравьев покрупнее, а потом и вовсе, в непонятно что! У меня создавалось ощущение, что моя бабуля Марфа, к которой на летние каникулы меня отправляла мама в Сибирь, схватила пучок крапивы, и охаживала меня

по голому телу им, не проявляя никакого сочувствия к внучке. Мне даже показалось, что волосы на голове у меня начали шевелиться, словно живые. Но мысль, сойти с этой чертовой «тропы» даже не посетила мою голову. Не иначе, как страсть к научным изысканиям и экспериментам, овладела мной целиком и полностью, заставив позабыть об осторожности.

До ребят еще оставалось несколько «витков», когда я увидела, что с кончиков моих пальцев слетают голубоватые искорки. Вот тут я испугалась. Еще не по-настоящему, конечно, но поджилки уже вдруг затряслись. Я попыталась перешагнуть очередную линию, наплевав на все эксперименты вместе взятые, но не тут-то было! Ноги, будто приклеенные к какой-то, одной им известной линии, продолжали нести меня дальше, совершенно наплевав на команды перепуганного разума. Когда я дошла до ребят, волосы на моей голове тоже стали испускать голубоватые искры, стекающие с разметавшихся кос, словно дождевая вода. Татьяна с Юриком смотрели на меня, словно на привидение, ошалевшими глазами, не произнося ни звука. Но вот когда мои ноги понесли меня дальше, мимо замерших столбами друзей, подруга заорала:

– Нюська!!! Ты куда?! Остановись!! Прекрати ЭТО немедленно!!!

Угу... Прекрати... Если бы я знала, как это сделать, блин!!

Я шагала и шагала, все увеличивая темп, и уже перед самой вершиной, почти бежала, чуть не высунув язык от та-

кого быстрого подъема. И когда я достигла конца этой непонятной спирали, там, где, словно обозначая некую границу, лежал большой, почти в мой рост величиной камень, искры уже сыпались с меня, словно я была вовсе не человеком, а какой-то катушкой индуктивности! В голове уже не было никаких мыслей, и даже страх отступил куда-то в самые пятки. Впрочем, какие, нафиг пятки! Куда-то вглубь моего тела, где-то в районе солнечного сплетения. Короче, в тот момент, мне было бы трудно сказать, куда он именно делся, да это было уже и неважно. Повинуясь какому-то внутреннему чутью (откуда оно у меня взялось, понятия не имею! Наш физик очень бы удивился, скажи я ему, что у меня на физику имеется какое-то там чутье, даже несмотря на мою пятерку по этому предмету), я встала рядом с камнем, как солдат по стойке «смирно», и положила обе свои руки на камень. Теперь уже не просто искры, а настоящие струйки голубоватого огня потекли из моего тела с самого низа, выходя через пальцы в этот камень, который, будто губка, жадно поглощал их. И, наконец, все закончилось. Камень слабо завибрировал, и вдруг выплюнул (простите, другого слова я к тому, что произошло, подобрать, увы, не могу) прямо вверх, в небо яркий сноп белого света, а может быть и огня. Но мне в этот момент было не до точных формулировок. На какое-то, очень краткое мгновения я увидела...? Нет, скорее почувствовала, что я нахожусь не здесь, на вершине горы, а в каком-то ином мире. Фиолетовое небо, бескрайняя долина, покрытая высокой

сиреневой травой, колышущейся под слабыми порывами ветра, и два светила, одно белое, а другое темно-лиловое, чуть поменьше, сияли в небе над моей головой. Наверное, это были какие-то галлюцинации, вызванные... неизвестно чем. Но эта картина вспыхнула перед моими глазами и через мгновение исчезла.

Я лежала на земле, и какой-то камень больно впился мне между ребер. А над моим лицом, закрывая нормальное голубое небо, нависло две физиономии с испуганными круглыми, если не сказать, квадратными глазами. И жалобное поскуливанье Танькиным голосом впивалось мне в уши, заставляя болезненно морщиться.

– Нюська... Нюськ... Как ты??...

Голос друга, не скрывая облегчения, проговорил рядом:

– Смотри... Глаза открыла, в себя приходит... Давай, ее поднимем...

Сильные руки схватили меня под мышки, пытаясь приподнять. Как ни странно, чувствовала я себя вполне сносно. Только в голове была какая-то звенящая пустота, да все еще мелко тряслись поджилки. Я попыталась высвободиться из Юркиных заботливых рук, и усесться поудобнее, привалившись спиной к небольшому камню, лежавшему рядом. Нет, не к тому, который... Ну, в общем понятно, какой камень я имею в виду. К другому, поменьше и попроще. И тут же принялась крутить головой по сторонам, все еще пребывая в некотором пограничном состоянии. Обнаружив, что я на

вершине горы (нормальной, своей, можно сказать, родной, горы), а рядом со мной мои друзья, почувствовала несказанное облегчение, и в то же время, какое-то разочарование. Пробормотала, скорее констатируя свою физическую потребность, нежели высказывая просьбу:

– Пить хочется...

Татьяна, стоявшая рядом, держа наготове бутылку с водой, немедленно под села ко мне, пытаясь напоить меня водой. Я с удивлением поглядела на подругу.

– Ты чего? Я сама еще способна напиться... – И постаралась забрать бутылку из ее рук.

Но, не тут-то было! Танька, менторским тоном, словно читала лекцию на кафедре ее будущего медицинского института, причем, в качестве должности, никак не меньше профессорской, возвестила:

– Ничего подобного! Ты еще очень слаба! Тебе нужен покой и уход! – Безапелляционно вынесла она вердикт. И добавила уже нормальным, почти умоляющим, голосом: – Не сопротивляйся, ладно?

Я сердито глянула на нее, а потом перевела требовательный взгляд на Юрку, мол, повлияй на подругу. Но, к моему несказанному изумлению, хулиган, безбашенный троечник, не боящийся даже директора нашей школы, не раз убегавший от милиционеров через чужие заборы, нерешительно пожал плечами и развел руками, мол, Таня знает лучше, что тебе надо. Это настолько меня поразило, что я, без даль-

нейших пререканий, открыла рот, и Татьяна принялась меня поить, словно я и впрямь была тяжелобольной. Утолив жажду, я задала вопрос, который волновал меня с момента, как я пришла в себя:

– Что случилось?

Татьяна с Юркой со значением переглянулись, и подруга несколько сюсюкающим голосом, проворковала:

– Нюсенька, а ты что же, сама не помнишь?

Вот тут я не выдержала. Даже не пытаюсь скрыть свое раздражение, проговорила сердито:

– Перестань со мной разговаривать, словно я при смерти!!! Со мной все в порядке! Я спрашиваю, что случилось, в конце концов!!!

Татьяна испуганно сморгнула и промямлила, опять глупо повторяя свой вопрос:

– А ты сама не помнишь...?

Я тихо прошипела почти по слогам, сдерживая прорывающееся возмущение:

– Я помню все...! Я спрашиваю, что видели вы??

Подруга обиженно надув губы, проговорила бурчливо:

– Что, что...?? Ты шла, как сомнамбула по этим проклятым вилюшкам, а у тебя волосы на голове шевелились и искры сыпались, словно с рассерженного кота. А потом, ты руки к камню приложила, постояла мгновение и упала. Мы с Юриком подбежали, а ты в отключке...

Пока слушала подругу, пыталась сообразить, быстро пе-

реваривая ее слова. Так... Значит, ни синих ручейков, утекающих с моих рук в камень, ни струи белого света, бьющего прямо в небо, они не видели. Конечно, это был день, и с того места, где ребята стояли, они и вправду, могли этого всего не видеть. Но я-то! Я-то видела, и еще как! А как же та странная картина какого-то нездешнего мира? У меня до сих пор, стоило мне закрыть глаза, перед мысленным взором была ТА равнина с сиреневой травой, два солнца, мягко согревающие землю, мне казалось, что я даже ощущаю на своей коже дуновение ласкового ветерка и чувствую запахи трав. Что ЭТО было?! А главное, стоит ли рассказывать об этом ребятам, чтобы они при этом не сочли меня сумасшедшей?

Решение я приняла быстро. Говорить пока не стоит, а то и вправду, чего доброго, подумают, что я спятила. Но я-то знала, что нахожусь в абсолютно трезвом уме и прекрасной памяти! Друзья, видя мою задумчивую физиономию, застыли в ожидании объяснений, с тревогой глядя на меня. Тяжело вздохнув, я проямлила:

– Ну да, Юрка прав... Чувствовала, как мурашки бегают по телу. А волосы... Ну что, волосы... Наверное на этих тропинках какое-то статическое электричество...

Видя недоверчивые физиономии друзей, мне стало понятно, что врать я не умею. Но никаких более внятных объяснений у меня для них на данный момент не было.

Довольно ловко поднявшись, совершенно другим, почти беспечным голосом, проговорила:

– Ну что, идем дальше? А то день в горах короткий. Успеть бы урюка набрать... – Проявила я озабоченность. Хотя, о чем я меньше всего сейчас думала, так это, точно, об урюке.

Все еще глядя с опаской на меня, будто ожидая, что я опять грохнусь в обморок, Юрка спросил:

– Уверена, что чувствуешь себя хорошо?

Я растянула губы в улыбке, и подмигнув, ответила другу:

– Хорошо, как никогда. – И попробовала неловко пошутить: – Как батарейка, зарядилась электричеством под завязку!

Татьяна нерешительно улыбнулась, и проворчала:

– Хорошо, коли так... – Потом глянула на Юрку, и спросила: – Ну, что, идем?

Друг покачал головой, и молча потянул осла за повод. Тот, ко всеобщему удивлению, сопротивляться не стал, а покорно побрел за ним, понуро повесив голову. Мне показалось, что уж Кеша-то точно все понял и все видел. И это не внушало ему никакого оптимизма.

Глава 5

Перевалив через вершину горы, мы восторженно замерли от картины, открывшейся нашему взору, даже на некоторое время позабыв о случившемся. Внизу раскинулось то самое урочище, к которому мы так стремились. Танька не покривила душой, нисколько не приукрасив действительность. Место, действительно, было райским. По крайней мере, с высоты склона, с которого мы наблюдали. Небольшой ручей пересекал небольшую долину, рассекая ее почти на две ровные части. По его берегам стояли плотные куртины диких абрикосов. И даже отсюда было видно, как их ветки сгибались до самой земли под тяжестью обильных оранжевых плодов. По краям урочища, словно рама, обрамляющая великолепную картину, росли кустарники барбариса с темными, почти черными листьями, усыпанные огненно-бордовыми ягодами, серебристые листья джигиды (или лоха, как правильно его называть), выделялись на темном фоне их листвы, словно световые пятна. И со всех сторон все это великолепие окружали горы. Кое-где высились сизовато-коричневые массивы скал, похожие на бастионы крепости. Даже на Юрку сия картина произвела впечатление. Он восторженно выдохнул:

– Красота...

Татьяна, словно очнувшись от созерцания этого великолепия, засуетилась:

– Ну вот, я же говорила... Не зря столько мучений претерпели!

Я про себя хмыкнула. Особых мучений, на мой взгляд, мы не испытали, пока добирались сюда. То, что произошло со мной совсем недавно, я никак не могла отнести к категории «мученья». Скорее, это было что-то таинственное, немного страшноватое и потому, будоражащее душу, словно молодое виноградное вино. Но уж точно, не «мучение». Но перечить подруге по пустякам, я сочла неразумным. Танька тем временем, схватив Юрика (!!!) за рукав, скороговоркой проговорила:

– Пойдемте быстрее, а то, до темноты не успеть...

Вот в этом я с ней была полностью согласна. Разум, крупицы которого, к собственному изумлению, все еще не покинули меня, настоятельно твердил, что задерживаться здесь надолго не стоило. Правда, сию рекомендацию он, в смысле мой разум, никак не обосновывал. И, наверное, поэтому, вопреки его советам, что-то внутри меня, совсем, казалось, новое и, пока еще, неведомое мне самой, настоятельно нашептывало, что я только в самом начале того пути, который приведет меня к истокам тайны, и поможет разгадать загадку моего видения. И, разумеется, если честно расставлять приоритеты, то есть, выбирать между урюком с безопасностью (думаю, относительной), и раскрытием сей загадки, то, я, не колеблясь, выбрала бы второе. Только была одна маленькая загвоздка. Ну... Не совсем, конечно, маленькая, а довольно

серьезная, если быть до конца честной перед самой собой. Это – мои друзья. Я не имела права из-за своей новой страсти к неизведанному, подвергать их опасности. А то, что она, эта самая опасность, нас обязательно будет подстерегать на этом пути, я несколько не сомневалась.

Тем временем, мы начали спуск в урочище. Ноги у меня слегка тряслись, наверное, все еще не отойдя от пережитого, но я старалась не показывать своей слабости друзьям. Танька, наверняка бы, принялась надо мной кудахтать, чего бы я сейчас никак не смогла перенести, чтобы не рявкнуть на нее. А зачем обижать человека зазря?

Спуск, к всеобщему удивлению, занял у нас не так уж и много времени. И когда мы оказались внизу, солнце только-только подбиралось к своему зениту. Памятуя о быстротечности светлого времени суток, особенно здесь, в горах, Татьяна торопливо достала из своего рюкзака два складных короба. Один протянула мне со словами:

– Ты – налево, я – направо... – И почти бегом понеслась к ближайшей рощице дикого абрикоса.

Я взяла свой короб, и тоже направилась, как мне и было велено, налево. Юрка в некотором раздумье посмотрел вслед сначала Таньке, а потом и мне. Несколько сконфуженно пожал на мой вопросительный взгляд плечами, и отправился за подругой. Кто бы сомневался! Я только усмехнулась. Ну вот, и славно! Никто не будет отвлекать меня разговорами, и даст спокойно, в тишине поразмышлять обо всем, что со

мною произошло.

Я задумчиво брела «налево», и остановилась только тогда, когда чуть не уперлась носом в скалистый выступ, сплошь заросший кустами караганы, усыпанной желтыми душистыми цветами. Очнувшись, огляделась. Увидела стоявшие рядом парочку деревьев, сплошь облепленных спелыми оранжево-розоватыми плодами, и направилась к ним. Абрикосы были невозможно ароматными, спелыми и сладкими. Так что, несколько минут я «собирала» плоды в собственный желудок, не сумев устоять от такого искушения. И только, наевшись досыта, так, что в горле уже першило от их сладости, принялась собирать в короб.

Первые минут двадцать все было прекрасно. Я слышала радостный голосок Таньки, которая о чем-то говорила с Юриком, его сдержанный смех в ответ на ее слова. И даже сама стала что-то тихонько напевать-мурлыкать себе под нос. А потом на меня, словно порыв холодного ветра, накатила какая-то тревога. Я остановилась на мгновение, не донеся абрикос до короба, а потом резко обернулась, чувствуя затылком чей-то внимательный взгляд. Но, позади себя никого не увидела. В траве шуршали какие-то мелкие зверьки, перламутрово-зеленая ящерка грелась на скальном выступе, похожая на изваяние, узорчатый, коричнево-бурый полоз не спеша скрылся в зарослях травы, темно-серая с голубоватыми прожилками скальная стена возвышалась за моей спиной. Я потрясла головой. Там нет никого, и не может быть!

Все это глупости! Но кто-то пробудившийся внутри меня, настойчиво шептал мне тихим шуршащим шепотом: «Мы не одни...»

Я стояла неподвижно, прислушиваясь к окружающему меня миру. Отключила в голове звуки голосов друзей, пытаясь почувствовать присутствие того, чей взгляд я так явно ощутила на себе. На камне, в нескольких метрах от меня, сидел огромный иссиня-черный ворон, и, склонив голову на бок, внимательно смотрел на меня янтарно-желтым глазом. Неужели, я почувствовала взгляд ворона? Дожили! Я теперь что, на каждую птичку так буду реагировать?! Ворон еще поглядел на меня немного, потом очень громко каркнув, взмахнул крыльями и тяжело стал подниматься в небо. Я проводила его полет взглядом. А потом задумалась. После произошедшего со мной на вершине горы я как-то по-другому стала воспринимать окружающий мир. Мои чувства, обоняние, слух, стали более острыми, что ли. На несколько мгновений мне даже показалось, что я «услышала» мысли ворона. Они были сродни человеческому «ходят тут всякие». Но, честно говоря, в этом я не видела особого чуда. Бывали же случаи, когда после удара молнии, люди приобретали некие особые качества. Ну, конечно, это если они оставались живы при этом. Везло, правда, не всем. Интересно, можно ли считать те электрические разряды, проходившие через меня на горе, молнией? Наверное, можно.

Я так углубилась в эти рассуждения, что чувство чьего-то

чужого взгляда куда-то отступило на задний план, если не сказать, пропало совсем. Покрутив еще для верности головой по сторонам, и уверив себя, что я так среагировала на взгляд птица, снова вернулась к сбору урюка. Прошло не больше пятнадцати минут, короб был заполнен больше, чем наполовину, когда уже то самое, знакомое неуютное ощущение чужого присутствия, опять стало скрести мне затылок. Но на этот раз я не стала резко оборачиваться. Продолжила делать вид, что по-прежнему занята сбором урожая, а сама, напрягая слух стала прислушиваться. Где-то позади, чуть левее от меня, слышался едва различимый шорох. Я продолжала, как ни в чем не бывало, рвать абрикосы, при этом даже насвистывая с показной беспечностью какую-то мелодию. Шорох замолк, словно человек (если, конечно, это был человек) замер, наблюдая за мной. Теперь я совершенно явственно ощущала его взгляд, скорее, заинтересованно-настороженный, чем злой или агрессивный. Я нарочно выронила из рук в траву только что сорванный плод, и наклонилась, чтобы, якобы, его поднять, при этом, чуть не заработав косоглазие, скосила глаза налево, пытаюсь заметить хоть какое-нибудь движение за спиной. Трава зашуршала, под чьими-то осторожными ногами, и мне даже удалось заметить, как ветки в зарослях караганы, едва заметно шевельнулись. То, что это были чьи-то человеческие ноги, а не звериные лапы, я уже почти не сомневалась. Не то, чтобы у меня был большой опыт или знания о повадках диких зверей, но какое-то внут-

реннее чутье мне подсказывало, что это был именно человек. Затем, тот, кто там прятался, опять затаился.

Мне уже не было страшно. Если кто-то прячется, значит сам боится. Конечно, исключения составляли такие хищники, как львы, тигры, и прочие крупные звери семейства кошачьих. Эти прятались в зарослях, чтобы напасть на свою добычу. Но, несколько я знала, не было в наших краях ни львов, ни тигров. Водился, правда, в горах ирбис, то есть, снежный барс. Только он жил намного выше, где-то в снегах, и довольно редко спускался в долины. Так что, бояться того, кто опасается тебя было бы крайне глупо. Но вот увидеть этого, кто тебя опасается, очень хотелось. Поэтому, я предприняла маневр. Обошла дерево с другой стороны и, в тот момент, когда я посчитала, что развесистые ветки дикого абрикоса должны скрывать меня от глаз неведомого кого-то, резко упала на живот, и притаилась в зарослях. Таким нехитрым способом, я надеялась, мне удастся выманить этого неведомо кого. Я почти физически ощущала его тревогу, а еще жгучее, как и у меня самой, любопытство. На что и был мой расчет.

Упала я не совсем удачно. Вокруг меня копошились какие-то жучки-мураши, тут же принявшиеся исследовать мое тело, как я полагаю, на предмет поживиться. Но я мужественно терпела их нашествие, не пытаясь сдуть или смахнуть этих надоедливых оккупантов. И вот, когда мое терпение и нервы уже подходили к концу, я решила, досчитаю до

ста, и, если никто не появится, то и фиг с ним! Ну сил же уже больше никаких не было! Казалось, что меня уже начали обглаживать, и скоро доберутся до костей, чтоб им...! На счете девяносто два, ветка караганы вдруг, словно сама собой, сдвинулась вниз, и я увидела чью-то макушку с густыми, похожими на проволоку белесыми или седыми волосами. Они ярко блестели в лучах солнца, словно зимний сугроб.

Судя по высоте, на которой я ее увидела, это мог быть подросток, или маленький мужчина. Но ни тому, ни другому здесь, вроде бы, взяться было неоткуда. Ветка, усыпанная желтыми цветками, стала осторожно сдвигаться еще ниже, и я, наконец, увидела лицо. Темная, почти до черноты загорелая кожа, густая белая борода, крупный нос, лохматые белые, как и волосы на голове, брови, из-под которых блестели глаза. Цвета их я со своего не особо удобного места, разглядеть не могла. Но то, что это был совсем взрослый мужчина, просто небольшого росточка, а вовсе не подросток, стало очевидно.

Он стоял на месте, не делая никаких попыток выбраться из зарослей. И только очень внимательно оглядывал пространство вокруг. И тут, какая-то сикарашка, названия которой я не знала, да и знать не хотела, укусила меня вполне себе чувствительно. Не выдержав такого гадства, я, не в силах уже больше сдерживаться, хлопнула ее со всей своей души. Хлопок получился довольно громким. Человек мгновенно выпрямился во весь рост, и стало видно, что он не та-

кого уж и маленького роста. Не великан, конечно, но рост у него был вполне себе приемлем для взрослого мужчины, коим он и был, судя по его лицу.

Незнакомец быстро посмотрел в мою сторону. И тут наши взгляды встретились. Глаза у него не были испуганными (да и с чего бы, взрослому мужику бояться какой-то залетной девицы), скорее в них была тревога. Они были черными, как самая черная и беззвездная осенняя ночь. На фоне ярко белых белков, это выглядело пугающим. Мгновение мы смотрели друг на друга, а потом он почти бесшумно скрылся в зарослях кустарника. Закачалась ветка кустарника, которую он отводил в сторону, и только шелестящий топоток его ног, говорил о направлении его отступления.

Вместо того, как все приличные барышни моего возраста, рвануть во все лопатки, ломая кусты, с диким визгом, распугивая всю живность, какая ни была в округе, в противоположную сторону, ища спасения от неведомой опасности у своих друзей, я кинулась за ним. Правда, тоже с криком:

– Пойдите!!! Не убегайте...!!! Да послушайте, вы...!!! – Топот ног удалялся, и, начихав на все правила приличия, я заорала, что было сил: – Остановись же, черт тебя дерит!!!

Последняя фраза уж вовсе никуда не годилась для лексикона воспитанной девушки. Но мне было на это наплевать с высокой колокольни! Я каким-то, самой мне неведомым чутьем, понимала, что этот белоголовый мужик знает тайну того, что произошло со мной на горе. И поэтому, я должна

его догнать во что бы то ни стало!

Продравшись сквозь заросли караганы, я обнаружила небольшую, едва заметную в траве, больше похожую на звериную, тропу, идущую под прикрытием разросшейся разнообразной растительности. Не раздумывая, я кинулась туда, где скрылся неизвестный. И вскоре оказалась на небольшом пятачке, сплошь затянутым тугими и цепкими побегами хмеля. Дальше был только сплошной скальный массив. И не просто массив, а огромная монолитная, уходящая ввысь, почти совершенно отвесная каменная плита, на которой даже мышу было бы не за что зацепиться, взбреди ему в голову туда полезть. Я растеряннo огляделась по сторонам. Человека нигде не было видно. А самое главное, деться отсюда ему было совершенно некуда!

Я еще покрутилась на месте, словно собака, гоняющаяся за собственным хвостом, но не обнаружила ни малейшей лазейки, куда бы человек его комплекции мог спрятаться. От досады я чуть не заревела. И принялась жалобно канючить:

– Ну куда ты делся??? Мне же только поговорить... Мне очень надо...

Будто отвечая на мое слезливое нытье, позади раздались встревоженные голоса моих друзей. Громче всех, конечно, надрывалась Танька. Она орала во весь голос, как совсем недавно это делала я:

– Нюська-а-а-а...!!! Ты где?? Отзовись, зараза такая!!!! Прекрати нас пугать!!! Немедленно откликнись!!!

Я словно побитая собачонка еще покрутилась на месте, даже ногой топнула от досады, и поплелась обратно. А спину мне продолжал холодить чей-то взгляд. И теперь я точно была уверена, что это не ворон и не какая другая зверушка.

Отойдя от этой тупиковой полянки, я откликнулась, пока Татьяна не начала лютовать по-настоящему:

– Да тут я, тут... Иду уже...

А мысли мои метались как заполошенные ящерицы, на которых плеснули кипятком. Во что бы то ни стало, мне нужно было увидеть опять этого человека и расспросить его обо всем. Я была не почти, а твердо уверена, что он знает ответы на все интересующие меня вопросы. И поэтому, что...? Мне просто необходимо уговорить ребят остаться здесь еще на ночь. Именно здесь, в этом урочище, а не где-нибудь на склоне горы, как в прошлый раз. О нехорошем не думалось. Я, просто, не чувствовала никакой опасности, которая бы исходила от этого белоголового. К тому же, к моим прежним вопросам, добавилась еще приличная кучка новых. Кто он такой? Откуда здесь взялся? А главное, куда он делся, черт бы его побрал!!

Вылезла из кустов и сразу же наткнулась, словно на вражеские копья, на гневно сверкающий взгляд подруги. Она бегло осмотрела меня с ног до головы. Не заметив никаких видимых увечий, кроме нескольких царапин на щеке, оставленных колючками кустарников, пока я продиралась вслед за скрывшимся человеком, Танька набросилась на меня, с

совершенно справедливыми претензиями:

– Что случилось-то!!! Чего орала, как укушенная?! И куда подевалась?! Короб с урюком здесь, тебя нет, и где искать тебя, фиг знает!!! Меня чуть кондрашка нехватила, пока мы тебя искали!!! Тут такое творится, а ты... Нервы бы подруге поберегла!!! Поседеешь тут с вами, блин!! – Выпалив это все единым махом на повышенных тонах, Татьяна несколько уgomонилась. Хмуро глянула на мою, немного взбудораженную, и совершенно не раскаявшуюся физиономию, и, позабыв о своей вновь возникшей из-за меня седины, с любопытством спросила: – Чего случилось-то?

Я, быстро прикинув в уме, что без подробного и красочного повествования о моей встрече с неизвестным мне ни за какие коврижки не удастся друзей уговорить остаться здесь на ночевку, решила им рассказать о своей неожиданной встрече. К тому же, я прекрасно знала, что Танька была охоча до всяких тайн. Да чего уж там! Отбросив всякую деликатность, можно было смело сказать, что подруга была любопытной, как мартышка. И, разумеется, я рассказала все. Конечно, Татьяна тут же захотела обследовать место, где я в последний раз видела того человека. На мои настойчивые заверения, что там не было никаких пещер, лазов и тому подобных укрытий, она только махнула рукой.

– А...! Наверняка ты пропустила что-то! – И поспешно добавила, не желая меня обидеть: – Не мудрено! Там, скорее всего, такие заросли, что сам черт ногу сломит! Давай, води,

показывай! – И она радостно мне подмигнула, выдав лихую улыбку.

Вообще, было сложно не заметить, что в последние несколько часов подруга расцвела и похорошела так, что я с трудом в ней узнавала ту, вечно ворчащую и опровергающую любые истины, какие ни на есть, подвергая всё и вся сомнениям, девчонку. Она, словно гусеница, выбравшаяся из своего плотного скучно-коричневого кокона, расправила радужные крылышки, засверкавшие на солнце всеми цветами радуги. Да и характер стал какой-то легкий, покладистый, словно у птички, радостно порхающей в ясном синем небе, и счастливо щебечущей в его лучах. Причина подобной метаморфозы, произошедшей с подругой, тоже топталась рядом, с некоторым удивлением взирая на нас. И конечно, Юрка тоже высказал свое мнение:

– Девчата, а может не надо? Раз человек скрылся, значит, он избегает любого общения. Так и не стоит навязываться...

Его неуверенный лепет мгновенно был сметен, словно хлебные крошки со стола рукой добросовестной хозяйки, Татьяниной логикой:

– Глупости!!! А вдруг, ему помощь нужна или еще что, а он, думает, что совсем одинок, стесняется попросить посторонних людей. Одичал совсем человек... А наше задача ему оказать всяческую поддержку и помощь!

Юрка хмыкнул:

– А если он в этом не нуждается?

Подруга непонимающе уставилась на Юрка:

– В чем не нуждается?

Тот пожал плечами, и с усмешкой проговорил:

– Ни в чем... Ни в чем он не нуждается. Ни в поддержке, ни в помощи... А мы тут со своими...

Договорить он не успел. Татьяна решительно возразила:

– Ерунда!!! Любой человек нуждается в этом!!! Иначе, зачем бы он показывался на глаза Нюське, а потом убегал?

Мы вместе с Юрком с недоумением уставились на подружку. И я, не выдержав долгой паузы, спросила:

– И зачем, по-твоему...?

Танька глянула на нас, словно на двух неразумных деток, и ответила, снисходительно покачав головой:

– Как это, зачем? Стесняется человек, разве не ясно? Характер робкий, вот и сбежал. – И уже обращаясь ко мне: – Чего стоишь? Веди...!

Я про себя только усмехнулась. Вряд ли «робкий» человек мог бы жить в такой глуши один, а уж про «стесняется» там и разговору не было. Вспомнила одну фразу, которую с насмешкой иногда говорила моя бабуля, обращаясь к деду: «Если женщина тебя решила осчастливить, смирись...» Поэтому, затевать теперь спор с подружкой, когда я сама хотела убедить друзей остаться здесь на ночевку, посчитала неправильным. Какая разница, что послужит для этого побуждающим фактором, любопытство или стремление осчастливить человека собственной помощью? Главное – результат! И по-

корно пошла впереди, показывая дорогу, опять продираясь сквозь густые заросли кустарника. Татьяна радостно гукнула, предчувствуя очередное приключение, и задорно крикнула Юрке:

– Не отставай! А то заблудишься!!

Тот беспрекословно полез следом за нами.

Хорошо зная независимый характер друга, я могла с уверенностью сказать, что долго он под командирским оком подруги не выдержит. И Танькино счастье может исчезнуть так же внезапно, как и появилось. А кому потом придется вытирать ей слезы? Правильно, мне! А еще будет нужно вести бесконечные душеспасительные беседы, чего я, честно признаться, на дух не переносила. Поэтому, отметила галочкой у себя в голове, что обязательно нужно поговорить с Татьяной на эту тему, пока не стало слишком поздно. Другими словами, пока терпение у Юрка не лопнуло.

Второй раз продираться к тупиковому пятачку перед скальной стеной, где я потеряла из вида незнакомца, было несравнимо легче. Оказавшись на месте, Татьяна сначала с некоторым удивлением огляделась, а потом вопросительно уставилась на меня.

– А ты уверена, что это именно то самое место? Может, он куда-нибудь шмыгнул, а ты и не заметила?

Я пожала плечами:

– Не знаю... Все, конечно, может быть, но я шла почти по его следам, чуть ли не наступая ему на пятки. Куда тут мож-

но еще шмыгнуть? Тут кустарники растут повсюду, словно колючая проволока на секретном объекте... Да и потом, только тут есть небольшая тропинка. – И я ткнула пальцем позади себя, чтобы все могли убедиться, что так и есть, тропинка, и вправду, существует.

Танька тяжело вздохнула и принялась лазить подо все плети хмеля, подо все кустики, обдирая руки в кровь, и тихонько бурчать на тему «умеют же некоторые усложнить себе и другим жизнь». Не знаю, относилось ли это ко мне, или к тому неизвестному, которому подруга так стремилась во что бы то ни стало помочь. Но, на всякий случай, комментировать ее бурчание я не стала. Мы с Юркой стояли в сторонке (если так можно назвать место в трех шагах от Татьяны) и с интересом, хотя, впрочем, без особого любопытства, наблюдали за Танькиными попытками обнаружить хоть какие-то признаки убежища.

Все ее поиски не заняли много времени. Полянка была совсем небольшой. Она даже не поленилась заглянуть под каждый камень не зависимо от его размера. Сдувая упавшую на глаза прядь, она еще раз огляделась вокруг, затем несколько раз попрыгала на разных местах, как я понимаю, таким образом пытаясь обнаружить какой-нибудь замаскированный лаз под землю. Результата это не принесло. Разочарованно оглядевшись по сторонам, она проговорила, словно обращаясь сама к себе:

– Нет... Здесь ему деваться просто было некуда. Наверня-

ка, он куда-то прошмыгнул, а ты и не заметила. – Последняя реплика была, как я понимала, направлена уже по моему адресу.

И опять же... Спорить я не стала. Просто пожала неопределенно плечами, что могло означать, как и согласие с подобным высказыванием, так и сомнениями по поводу данной версии. Главное, никто из моих друзей не сомневался, что мне этот человек не привиделся, и не был плодом моего разгулявшегося воображения. Тут Юрик что-то заметил, на ближайшей ветке колючего кустарника боярышника. Наклонившись, он что-то отцепил с колючки, и произнес:

– Смотрите...

Мы кинулись к нему с надеждой, что он нашел что-то стоящее, что приведет нас к разгадке таинственного исчезновения незнакомца. Но, к моему большому разочарованию, в руках он держал небольшой клочок коричневой ткани. Обычная тряпочка, но... Я помнила, что цвет одежды у того белоголового был именно такого же коричневого цвета. Я торжествующе посмотрела на друзей и проговорила так, словно сообщала им самую радостную известие в их жизни:

– Ну... И что я говорила?! Это кусочек из его одежды! Именно такого цвета она и была! Значит, он прошел именно здесь, а не шмыгнул куда-нибудь, как ты предполагала! – И тут же сдулась, словно проткнутый воздушный шарик. – Впрочем, это нам не дает ничего нового. Мы по-прежнему не знаем, куда он подевался.

Мы еще покрутились немного на этом проклятом пятачке, вытоптав при этом всю траву под ногами. Если незнакомец и хотел сохранить это место в тайне, чтобы со стороны оно было незаметным, то теперь это было невозможно. По крайней мере, должно было пройти какое-то время, чтобы эта полянка вновь приняла первозданный вид и заросла травой, скрывая его тайну.

Несолоно хлебавши, мы вылезли из кустов, и уселись под абрикосом, рядом с которым я оставила свой короб. Татьяна опять возглавила наш небольшой «совет в Филях».

– Ну, и что будем делать? – Наши с Юркой лица выражали задумчивость, без малейших признаков каких-нибудь ответов на ее вопрос. И она продолжила: – Думаю, Нюська права... Нужно остаться здесь на ночь. Продуктов у нас достаточно, воды тут тоже завались, так что, голодная смерть нам не грозит. К тому же, дома нас не хватятся, по причине того, что некому хвататься. А эту тайну мы должны разгадать. Думаю, он сегодня ночью себя проявит...

Юрка, не утерпев встрял с весьма ехидным замечанием:

– Ага... Робость на его лице ночью будет не так заметна, и поэтому он не станет стесняться...

Татьяна, было, надулась, собираясь ответить что-то резкое, но потом, к моему удовольствию, передумала. Тяжело вздохнула, и уже почти спокойно проговорила:

– Ну... Надо дать ему время. Может, он поймет, что нас бояться не стоит, и все-таки решится обратиться к нам за

помощью. А если нет, тогда и ладно. Завтра утром уйдем, и пускай он и дальше живет, как хочет, раз такой... — она запнулась, подбирая слово, которое бы, по ее мнению, больше всего подходило для незнакомца. Наконец, придумав, выпалила: — ...раз он такой нерешительный. По крайней мере, мы со своей стороны сделали, что могли.

Я про себя хмыкнула. Интересно, что такого мы сделали, что подходило бы под категорию «все, что могли»? Рассекретили полянку, вытоптав траву и переломав кусты? Вряд ли этим мы очень сильно «помогли» белоголовому. И потом, я вспомнила взгляд его черных, как ночь, глаз. В них не было ничего жалостного или просящего. Только одна тревога и некий интерес. Ладно... Поживем, как говорится, увидим. По крайней мере, я своего добилась. Мы остались на ночевку в урочище. А внутри у меня, почему-то, крепла уверенность, что ночью может что-то произойти, что позволит нам разгадать эту загадку.

Глава 6

За всеми этими изысканиями мы не заметили, как подкрался вечер. Солнце ушло за гору, и долина погрузилась в прозрачные дымчатые сумерки, растворяющие и делающие зыбкими все вокруг. Скалы, словно насупившись, приобрели расплывчатые очертания, деревья стали напоминать сказочные заросли, продравшись сквозь которые, можно было обнаружить волшебный замок со спящей царевной внутри. В траве застрекотали целые оркестры цикад, словно увертюра к предстоящему грандиозному концерту. Первые звезды зажглись на темнеющем небе. От небольшой речки потянуло зябкой прохладой.

Юрка сходил и привел Иннокентия вместе со всей поклажей. Ослик вел себя как-то настороженно, опасливо поглядывая по сторонам, стараясь при этом быть к нам поближе, что было и не удивительно. Наверное, боялся шакалов, которые начали подавать голоса откуда-то из-за речки.

Пока мы с Татьяной разбивали палатку, Юрок натаскал дров и развел под укрытием двух камней небольшой костерок. Подруга смело вызвалась сходить к речке за водой. Но эта ее инициатива выглядела как-то неуверенно, и поэтому Юрка вызвался ее сопровождать. Сегодня решили не ужинать, а только выпить чая. Да и какая могла быть еда, когда мы налопались до икоты спелого урюка?! Пока еще не наста-

ла полная темнота, я умудрилась насобирать немного барбариса для чая, или, скорее, для компота, потому как, ягод получилось почти на половину котелка. Ребята у реки задержались. Волноваться я не торопилась. Думаю, они там целовались. Хотя Танька, отвечая потом на мой вопрос: «Чего так долго?», смущенно запинаясь и даже слегка краснея, принялась мне лопотать что-то про «неудобный берег».

Напившись барбарисового отвара, решили укладываться на отдых. И то сказать, день выдался хлопотным и тревожным, не говоря уже о физической нагрузке после лазанья по горам. Юрка, как обычно, взяв гитару, решил дежурить первым, пообещав, что разбудит меня для смены на «посту» в два часа ночи. Но разве можно оставаться в палатке, пускай, даже и после трудного, утомительного дня, когда ночь поет на все голоса, дурманя сладкими запахами спелых фруктов и цветущих трав, звезды, такие близкие здесь, в горах, что кажется, встань на цыпочки, протяни руку и сумеешь дотронуться до их колючих и холодных лучей, светят голубоватым мерцающим светом, а рядом горит, уютно потрескивая костерок, и твой друг, взяв в руки гитару, тихонько перебирает струны, гармонично вписываясь незамысловатой мелодией в общее звучание ночи? Разумеется, сначала из палатки выползла Татьяна, и, сев рядом с Юрком, как-то совсем незаметно положила ему голову на плечо. Я, оставшись в одиночестве, покрутилась еще немного с боку на бок, одолеваемая разными мыслями, и тоже выбралась на волю,

прихватив свое верблюжье одеяло с собой.

Сначала мы молча слушали как тихонько поет Юрка какую-то новую свою песню, которую он сочинил, судя по всему, прямо на ходу, поддавшись очарованию момента. Даже мое лихорадочное беспокойство, которое не покидало меня в течении всего дня, с того момента как я повстречала незнакомца, куда-то незаметно пропало. На душу снизошло успокоение, и я бы даже сказала, какое-то умиротворение. Песня закончилась. Мы еще немного посидели молча, словно стараясь впитать в себя те драгоценные капли маленького счастья, которое приходит ниоткуда, когда тебе только семнадцать. А потом заговорил Юрик. Наверное, и его тревожила тайна исчезновения белоголового человека. Но начал он издалека.

– Непонятно, чего все сторонятся этого места? Тут такая красота... – Прозвучало это высказывание в его устах как-то, мягко говоря, необычно. Я никогда не считала его особо склонным к подобной романтике. А он продолжил: – Конечно, странностей здесь многовато на квадратный метр, но все же... Я не чувствую в них никакой опасности. – И он вопросительно уставился на нас.

В общем-то, я была с ним в чем-то согласна. Опасности, как таковой, я тоже не ощущала. Но вот состояние тревожного ожидания меня никак не покидало. Но делиться своими, пока еще мне самой до конца, непонятными сомнениями, с друзьями не торопилась. Татьяна, убрав голову с плеча

друга, пожала плечами.

– Согласна... Опасности я тоже особой не ощущаю. Только вон, посмотрите на Кешку... Он ведь привык вольно бродяжить. А сейчас что? От костра на два метра не отходит. Жметя к нам поближе, словно перепуганный котенок. Нет... Что-то с этим урочищем, и впрямь, нечисто. Потом, мужик этот... Кто таков? Откуда здесь взялся? И куда делся? И вообще, что с ним произошло, что он оказался в этой глуши. Сюда даже чабаны не забредают со своими стадами. Интересно все это до жути. А потом, вы не забыли о странном свечении с последующими звуками, напоминающими взрыв? Это тоже нуждается в объяснении. Хотя, боюсь, за одну ночь нам все эти тайны не разгадать. – А потом, уже обращаясь ко мне. – А ты чего-нибудь чувствуешь сейчас, ну, в смысле, взглядов там каких-нибудь из кустов или еще чего...?

Я пожала плечами.

– Да, вроде бы, ничего пока не ощущаю...

Юрик вступил:

– Так, может, тот мужик уже ушел отсюда? А мы тут его караулим?

Танька сразу вскинулась. Она терпеть не могла, когда какое-либо ее действие кто-нибудь (пускай и близкий друг, думаю, теперь, очень близкий) мог счесть бесполезным занятием. Поэтому она менторским тоном проговорила:

– Запомните: ничего не бывает просто так. Все для че-

го-то. Просто, мы пока не видим этого смысла, но он есть, я в этом уверена!

Незаметно мы переключились на глубоко-философскую тему поисков смысла вообще и нашей конкретной ситуации в частности. Время за беседой потекло, пожурчало спокойно и тихо, словно маленькая речушка, поток которой струился по урочищу. Иногда мы замолкали все вместе, чтобы обдумать услышанное, иногда горячо спорили тихими голосами, не соглашаясь с чьим-нибудь (догадайтесь, с чьим) безапелляционным суждением.

И вот, во время очередной такой паузы, во время которой я пыталась найти подходящий и веский аргумент, чтобы дать достойный отпор подруге, вдруг ощутила, что меня как-то уж очень внезапно стало клонить в сон. Руки и ноги стали тяжелыми, голова вообще казалась похожей на гирию, веки будто налились свинцом, а язык во рту еле ворочался, и я попыталась сообщить друзьям, что неплохо было бы немного поспать. Мне показалось даже, что пламя костра горит как-то лениво, уже не отбрасывая искр. И тут с удивлением обнаружила, что Татьяна, прислонившись к Юрку спит, сладко почмокивая во сне с какой-то блаженной улыбкой на лица. Да и Юрка тоже глаз не открывал, склонив голову к подруге. И мне это очень не понравилось. Не спрашивайте, почему. Не понравилось, и все тут! И вот это мое «не понравилось», заставило меня как-то встрепенуться. Немалым усилием воли, я поднялась на ноги, собираясь отправиться к реке, что-

бы умыться холодной ледниковой водой. И... Замерла, словно статуя. Совсем рядом с костром, поглаживая нашего осла, как своего собственного, по лохматой челке, стоял мой недавний белоголовый знакомец, если его так можно было назвать, и, то ли с удивлением, то ли с какой-то затаенной усмешкой, смотрел прямо на меня.

На темном от загара лице ярко выделялись белки глаз, создавая немного жутковатую иллюзию. Я слабо дернулась и опять уселась на свое место, продолжая, дура-дурой, пялиться на незнакомца. Сразу же возникло желание задать ему большую кучу вопросов. Только все вопросы в моей тяжелой голове как-то странно перепутались, словно нити в клубке, который распотрошил мой кот Маркиз. И поэтому, ничего членораздельного я выдавить в первые минуты из себя не могла. Так мы и молчали: он, продолжая гладить Кешку, который, кажется, был рад этой неожиданной ласке, а я, сидя на куске сухого лоха, хлопая на него глазами, будто заводная кукла, у которой вот-вот кончится завод. Зато, в эти минуты мне удалось его как следует рассмотреть. Ничего особо странного, (разумеется, кроме цвета волос и глаз) в его облике я углядеть не могла. Довольно худощавый на вид, с сильными жилистыми руками, крупными ладонями и удивительно изящными длинными пальцами, которые больше подошли бы какому-нибудь музыканту, или, на худой конец, дирижеру. Одет он был в коричневую безрукавку из валяной шерсти прямо на голое тело, и в какие-то узкие, но очень

эластичные брюки из странной, слегка поблескивающей коричневой же кожи. Ноги обуты в короткие мягкие ичиги на довольно прочной подошве. А вот возраст его я угадать никак не могла. Ему могло быть как тридцать лет, так и шестьдесят. Скорее я склонялась к последней цифре. Глаза, а скорее, даже его взгляд, устало-тревожный и какой-то древний, никак не позволял отнести его к более молодому возрасту.

Наконец, я смогла как-то, преодолевая эту сонную одурь, раскрыть рот и с трудом из себя выдавить, забывая про все правила вежливости по отношению к старшим:

– Ты кто...?

Не отвечая на мой вопрос, он заговорил. Голос у него был под стать его взгляду, печальный, почти шепот, но, при этом, слышала я его очень отчетливо, каждое слово.

– Ты сняла барьер... и теперь они скоро будут здесь. Они пытались долго, но у них это никак не получалось. Мать не принимала их. И они не знали пути. Теперь, они думают, что смогут его найти. С твоей помощью...

Господи боже мой!!! Кажется, мы наравались на сумасшедшего! Или он на нас наварлся, разница небольшая. Говорил он, вроде бы русскими словами, но для меня это все было какой-то тарабарщиной. Какой такой барьер я сняла? С чего барьер? Кто такие «они» и почему собственная мать не принимала их?! К моему запутанному клубку из ранее возникших вопросов, добавились еще новые, образуя в голове страшный хаос, разобраться в котором я, увы, не могла. Но,

имея любовь к точным наукам и, как следствие, к логике, я понимала, что, для того чтобы во всей этой каше-малаше разобраться, нужно начинать сначала. И поэтому, я как заведенный попугайчик, упрямо повторила свой вопрос:

– Ты кто?

Незнакомец глянул с изумлением на меня, будто я спросила невероятную глупость. Я надеялась, что с этого его ответа я могу завязать первый узелок, на который постараюсь намотать постепенно весь клубок своих вопросов в упорядоченном виде. И тогда, мне, возможно, станет хоть что-нибудь понятным.

Белоголовый, оставив наконец наглаживать Иннокентия, склонил голову на бок и принялся меня внимательно разглядывать. И от этого взгляда у меня, где-то, казалось, в самом мозжечке стало щекотно. Будто, кто-то легким перышком размахивал у меня внутри черепушки. Я даже головой потрясла, пытаясь избавиться от этого «перышка». Мгновение, и это, не совсем приятное чувство исчезло. А человек медленно, словно сомневаясь в правильности того, что он делает, протянул:

– Я – Койда, сын Окаба, из рода древичей...

Я от такого ответа опять глупо захлопала глазами. Это что еще такое?! Как прикажете это понимать?! А внутренний голос радостно прогукал: «Каков вопрос, таков и ответ...» У меня еще не было достаточного жизненного опыта для бесед со своим внутренним голосом. Но уже, где-то в глубине

собственного сознания, я твердо знала, что свою интуицию стоит слушаться. Правда, подобное ехидное замечание вряд ли можно было назвать интуицией, но, так или иначе, внутренний голос принадлежал мне самой, так что...

В общем, поняв, что, задавая подобные вопросы, мы далеко не продвинемся, решила пересмотреть собственную концепцию по поводу того, что есть начало. И решила подступиться с другой стороны.

– Кто такие «они»?

Сразу все вопросы задавать поостереглась. Даже не потому, что этот белоголовый на них не сумеет ответить, а скорее, причина была во мне. Я опасалась, что не сумею переварить его информацию, если она будет в большом количестве. Неизвестное, так же, как и ядовитые лекарства, стоило принимать в микродозах.

Мой собеседник (если его можно было так назвать) опять склонил слегка голову набок, и принялся буравить меня своими черными глазами. От его взгляда мне сделалось как-то не по себе. Теперь мне казалось, что уже не перышко шурует в моей черепушке, а настоящий пылесос. Кажется, он пытался прочесть мои мысли, словно страницы в какой-нибудь книге. И, честно скажу, мне это жуть, как не понравилось! Я, конечно, читала про телепатию и все такое прочее, но на себе испытать подобного не доводилось раньше, и сейчас, вынуждена была признать, что эта процедура мне совсем не по нутру. Было ощущение, словно я совершенно голая стою пе-

ред ним, а он внимательно изучает все изгибы и линии моего тела.

Гипнозу я была не подвержена. Как-то, Танька меня за-тащила на подобный сеанс. Помню свое ощущение, словно кто-то пытался влезть в одежду и в обуви (причем в грязной обуви) прямо внутрь моих мыслей. Мое возмущение тогда сработало на автомате, будто воздвигнув какой-то барьер, напоминающий грубо сработанную кирпичную кладку. Я, кажется даже, ощутила некое возмущенное давление на эту стену, словно тот, кто пытался проломиться, был недоволен тем, что обнаружил на своем пути это препятствие. Тогда, многие зрители вели себя несколько странно. Кто-то смеялся, кто-то плакал, а кто-то вообще спал. Танька дрыхла, а потом, когда все закончилось, захлебываясь от восторга, рассказывала мне о чудесных видениях, которые она видела, пребывая в этом, на мой взгляд, похожим на обморочное, состоянии. Я, конечно, не была нигилистом, отрицая все, чего сама не испытала, или не видела. Но все ее рассказы мне тогда казались странными, а состояние – неестественным, сродни наркотическому опьянению. А еще с детских лет я твердо уяснила себе, что наркотики – это зло.

Сейчас я ощущала почти тоже самое, только, пожалуй, за исключением одежды и обуви. Теперешнее давление было тонким, я бы сказала, изворотливым, словно весенние ручейки, пробивающие талый снег. Но, все равно, мне это не нравилось. И я, уже более или менее осознанно, воздвигла

барьер. Только на этот раз, это была не стена из кирпичей, а толстое стекло, из-за которого и я могла наблюдать, или даже слышать, что творилось в голове у собеседника. Но, человек, стоявший сейчас передо мной, был очень непрост, и, потому, многого мне ни увидеть, ни услышать не удалось. Только какое-то изумление, граничащее с радостным открытием. И все... дальше сразу глухая стена, словно бастион крепости, готовой ко вражеской осаде.

Вся эта, с позволения сказать, процедура заняла очень короткое время, можно даже сказать, какие-то мгновения, и я почувствовала, как давление отступает. Незнакомец (впрочем, чего это я? Он уже назвал свое имя, значит, знакомец) как-то очень скупно улыбнулся, и эта улыбка сразу сделала его лицо похожим на доверчивого, если не сказать, застенчивого ребенка, только очень взрослого ребенка. И сейчас, я бы не дала ему больше тридцати лет. Сделав несколько коротких, почти бесшумных шажков вперед, он опустился на корточки рядом с костром. И как-то произвольно, я проговорила, все еще продолжая обращаться к нему на ты:

– Барбарисового отвара хочешь? – И добавила несколько глупо в данной ситуации, будто оправдываясь и пытаюсь скрыть свое непонятное смущение: – Очень полезно для здоровья... В нем витаминов много...

Он опять глянул на меня со своей загадочной полуулыбкой, и просто молча кивнул головой. Я принялась ему торопливо наливать в нашу единственную кружку густо настояв-

шегося рубинового отвара, стараясь не смотреть ему в глаза. Даже самой себе я не хотела признаваться, что его взгляд меня, нет, не смущал, а приводил в некий трепет, словно мне позволили увидеть нечто, чего простым смертным видеть и не полагалось вовсе.

Он, сделав несколько небольших глотков, одобрительно крякнул, продолжая смотреть поверх кружки на меня. Что он хотел увидеть, я не знаю, но судя по его взгляду, он этого не увидел. А, может, просто очень умело владел своим лицом, как индейский вождь из племени Сиу, о котором писал Фенимор Купер. На мой, казалось бы, простой вопрос, он отвечать не торопился, будто не решил, стоит мне выдавать какую-то информацию или нет. Но я настойчиво повторила:

– Так кто такие «они»?

Белоголовый тяжело вздохнул, откинул со лба прядь волос, кстати, вовсе не седых, а просто белых, как я успела рассмотреть в свете пламени костра, и, наконец, проговорил:

– Темные... те, кто рвется овладеть переходом... – И больше ничего. Вот же...!!!!

Складывалось впечатление, что он думает, будто мне все понятно. А мне ничего не было понятно! У меня даже закралось сомнение, что он душевно больной, настолько его речь казалась чудной. Или был еще один вариант: я свихнулась после удара электричеством на горе. Оба варианта мне не нравились. Не напоминал он, хоть убей, сумасшедшего. Они такими не бывают! Разумеется, я не была частым го-

стем в клиниках для душевно больных, да и нечастым тоже не была. Но в книгах и в кино их описывали с совершенно конкретными признаками, причем, очень красочно описывали. Ни под одно описание, или ни под один образ он не подходил. При этом, речь у него была правильная, я бы даже сказала, литературно-правильная. Только, говорил он медленно, словно пробовал каждое слово на вкус. Я посмотрела на него, словно дрессированная ворона, чуть наклонив голову на бок, и задала вопрос, который меня мучил последние несколько часов:

– Куда ты делся, когда я за тобой гналась? И почему ты убежал, когда сейчас, сам пришел к нам?

Он усмехнулся, опять глянул на меня испытывающе, и проговорил тихо:

– Я не делся, я спрятался в кустах. А тебе просто отвел глаза. Убегал же я по одной простой причине: как ты уже поняла, место здесь не совсем обычное, и гости в этом урочище не часто бывают. Обычно, люди обходят его стороной. Здесь случаются странные вещи. Зло проникло сюда еще очень давно, и прошли века, прежде чем оно, не получая пищи, ослабело. И мне нужно было убедиться, что вы не несете с собой зла, и не пытаетесь его пробудить. А пришел сейчас сам, потому что, должен был предупредить тебя о надвигающейся опасности.

Вроде бы, он ответил вполне исчерпывающе, но я все равно, до сих пор, мало что понимала. Было ощущение, что я по-

пала из обычного, понятного, нормального мира, в какую-то другую реальность. Точно такое же чувство у меня было на вершине горы, когда на мгновение я увидела ту фиолетово-сиреневую планету с двумя светилами. Задавать следующий вопрос я не стала. Зачем? Все равно, мне его ответы были непонятны так, как если бы он говорил на китайском языке. Из всего им сказанного, уловила четко я только одно: какие-то люди, несущие в себе зло, придут сюда и чего-то от меня будут требовать. Но вот чего, я никак в толк не могла взять. Кто я такая? Обычная девчонка! Но в любом случае, желания встречаться с этими самыми «они», большого желания у меня не было. Кстати, маленького тоже. Вообще никакого не было!

Мне как-то стало не по себе, и несмотря на то, что костер, удивительным образом продолжающий гореть, несмотря на то что дрова в него уже давненько никто не подбрасывал, мне сделалось зябко рядом с его огнем. Незаметно для себя, я передернула плечами. Этот жест не остался незамеченным для Койды. Господи!!! Что за имя такое?! Он озабоченно посмотрел на меня и с легкой тревогой в голосе проговорил:

– Вижу, тебе страшно... Это хорошо. Значит, ты будешь осторожной.

И тут я не выдержала, сорвалась. Несколько раздраженно, забыв, что громким голосом могу разбудить своих друзей, я воскликнула:

– Да в чем осторожной-то????! Что я такого знаю или умею,

что должна быть осторожной в чем-то?!

Мой вопль души не произвел на него никакого впечатления. Его голос оставался таким же тихим и уравновешенным, когда он прошелестел в ответ:

– Что ты видела на вершине горы? Я ведь почувствовал очень большой всплеск энергии... Так что...?

От его невозмутимости мне, почему-то, стало стыдно. В самом деле, чего я ору на человека? Он-то в чем провинился? Он нас сюда не звал, сами приперлись. Урюка нам, блин, захотелось покрупнее!! Сбавив тон, я виновато проговорила:

– Прости... Но все, что ты мне тут наговорил – для меня звучало как абракадабра какая-то! Я словно в другой мир попала, словно оказалась в книжках Ивана Ефремова, черт! А мы ведь сюда пришли только абрикосов набрать, а не разгадывать какие-то там тайны!

Он заинтересованно посмотрел на меня, в его глазах мелькнуло детское любопытство, когда он спросил:

– Что такое абракадабра и кто такой этот Иван Ефремов? – Он немного запнулся на незнакомом слове.

А я про себя досадливо чертыхнулась. Нам такими темпами и всей жизни не хватит, чтобы понять друг друга! Но себя мне удалось сдержать, и я ответила почти спокойно:

– Абракадабра – это когда мы слышим что-то непонятное для нас, чему нет никакого объяснения, а Ефремов – это писатель-фантаст. Он романы пишет про будущее и про прошлое, но не реальные факты, а что-то, чего могло и не быть,

и чего не будет. — И зачем-то добавила: — Очень популярный, между прочим, писатель.

Теперь Койда, совсем, как я недавно, стал хлопать на меня ресницами. Но, по-видимому, придя, как и я, к таким же выводам по поводу китайского языка и нашего понимания, решил тему не развивать, а настойчиво спросил:

— Так что ты видела?

Его упорство в достижении собственной цели для получения информации, вызывало уважение. Вот, мне бы так! А то мечусь мыслями, как кошка на пожаре, ни одного своего вопроса не довела до конечной, конкретной цели. Я вздохнула, и стала рассказывать, что я увидела в те короткие, незабываемые для меня мгновения. Собственно, мой рассказ занял не более минуты. Закончив, я уставилась на него в ожидании... Чего? Объяснений? Таких же, для меня непонятных, как и прежде? Но он, к моему изумлению, все-таки стал объяснять, причем, вполне понятным языком.

— Вот видишь... Не каждому дано проникнуть туда, где удалось побывать тебе. ОНИ пытались добиться этого много раз, но у них не получалось. Никогда не получалось. А у тебя вышло пробить барьер, закрывающий канал. Выброс энергии был такой мощный, что они не могли этого не почувствовать. Поэтому, они придут, и будут тебя искать. Ре-чи и обещания их будут обольстительными. Они пообещают тебе исполнить все твои мечты и желания, лишь бы ты открыла еще раз канал для них. Но ты должна знать, что за

все то, что они для тебя сделают, цена будет невообразимо высокой, такой, какой ты себе даже не представляешь...

Мне все это, включая и его слова про цену и прочее, напоминало, если не сон, то какую-то игру. Казалось, что достаточно поставить над головой ладошки шалашиком и сказать: «Я в домике...!», и сразу же все закончится. Мешало только одно: фиолетовая трава под светом двух светил. Я это видела, и никто бы меня не смог убедить, что мне это помешалось. И не просто видела! Я это чувствовала и обоняла! И что прикажете с этим делать?!

Я немного поерзала на сухом стволе, и вдруг задала ему вопрос, который, казалось бы, не имел ничего общего с темой, которую мы обсуждали (ну, если можно так было называть нашу беседу):

– А скажи мне, Койда..., – я впервые назвала его по имени, даже почувствовать странный вкус этого необычного и непонятного имени..., – где ты живешь?

Он усмехнулся, как-то лукаво посмотрел на меня, и ответил очень просто:

– Я живу здесь...

Ну вот, опять началось!!! Я рассердилась, и готова была отгрызть свою собственную руку, если он надо мной не издевается! Хотя, скорее всего, он просто не хочет выдавать тайну своего жилища. А что? Имеет полное право. В конце концов, кто я такая, чтобы передо мной открывать все свои самые сокровенные тайны? Он видит меня первый раз в сво-

ей жизни! И на тебе!! Расскажи ей все, от начала и до конца! Тоже мне, выискалась...! Умерив свое раздражение, я стараясь придать своему голосу максимум благожелательности, спросила:

– И давно...? – Чтобы не вышло опять каких-нибудь кри-
вотолков, или, чтобы он уже больше не сумел увильнуть от
ответа, пояснила вопрос: – Живешь давно?

Он несколько секунд смотрел на меня пристально, а по-
том вдруг рассмеялся. Смех у него был, как и голос, тихим,
и каким-то шелестящим. Словно ветром тронуло листву на
деревьях. Закончив веселиться, проговорил довольным го-
лосом, будто учитель ученице, которая, наконец-то, усвоила
трудный урок:

– Вот видишь... Ты, наконец, поняла, что вопросы, если
ты, конечно, хочешь получить на них исчерпывающие отве-
ты, нужно задавать правильно. Это и есть – сила слова. И си-
ла, должен тебе сказать, немалая. Во многих вопросах, если
ты умеешь слушать, уже содержатся ответы. Так что, не сто-
ит спешить со словами. – Я уже думала, что он не ответит
на мой вопрос, а обойдется одной короткой лекцией о силе
слова, когда, немного помолчав, он добавил: – Скажем так...
Я видел эти горы молодыми.

Я опять фарфоровой куколкой захлопала на него ресни-
цами. Вот же...! Вроде бы и ответил, только мне опять ниче-
го не понятно! «Молодыми горы» – это как?! Миллион лет,
или десять миллионов?! И что он этим хотел сказать? Что он

столько живет?! Он, что? Опять издевается надо мной?! Я, было, открыла рот, чтобы потребовать от него объяснения, но он начал говорить, и я рот закрыла, предпочитая слушать. Вдруг что понятное для себя услышу.

— Когда-то, очень давно, здесь была большая плодородная долина, и горы еще не сжимали ее своими ладонями, превращая в узкую щель. Здесь жил мой народ. Звался он Чудь Заволочская. В незапамятные времена мы пришли с далеких северных земель, уходя от наступающих льдов, и остались здесь, покоренные красотой и благодатью этого места. А потом здесь появились темные. Сначала, они притворялись хорошими соседями. Шли дни и годы. Мы научили их всему, что знали сами, за исключением тех сакральных знаний, которыми владел наш Род. Затем, мы поняли, что им этого было мало. Они хотели овладеть нашими глубинными знаниями. Мы не увидели подвоха, и стали обучать некоторых из них своим таинствам, посвящать их в самую суть мироздания. Но они не использовали это во благо. Их души были темны и беспросветны. Они извратили наши знания, начав их использовать во зло против нас. И в итоге, их хан, по имени Багыш, решив, что выведал все наши тайны, захотел уничтожить наш Род. Началась война. Она длилась бесконечно долго, истощая оба народа. Наши Старейшины не хотели применять ... жесткие меры, которые бы обратили этот край в выжженную пустыню. Мы ушли под землю, оставив народ хана его судьбе. А его люди охотно разоряли наши брошен-

ные дома, радуясь, что сумели изгнать нас с этой земли. Увы, путь ко злу всегда легче и приятнее, чем путь добра...

Он замолчал, уставившись на пламя костра неподвижным взглядом, словно видел в нем отсветы тех, давних пожарищ. На какое-то мгновение, мне показалось, что вокруг внезапно наступила зима. Молчание Койды угнетало. И, чтобы как-то скинуть эту тяжесть с души, я спросила:

– Так это правда...? Про Хана Багыша? – Он оторвался от созерцания огня и посмотрел непонимающе на меня. Взгляд его был пуст и тяжел, словно он не видел меня, все еще пребывая там, на полях невероятных сражений. Несколько смутившись, я пояснила: – Я имею ввиду легенду про хана и богатыря Тянь-Шаня и его жену Иссык.

Он встрепенулся, словно очнувшись ото сна, и проговорил с грустной усмешкой:

– Эти горы когда-то назывались горы Тарха. Племена темных стали называть их Тенгри-Таг, что на их языке означало «горы Бога». А легенда... Думаю, могли быть в те времена добрые семьи, которые извел хан Багыш. А люди потом сложили об этом красивую историю. – Он поднялся на ноги, и посмотрел на меня сверху вниз, проговорив: – Мне пора уходить. Скоро рассвет. И вам нужно уходить, пока не стало слишком поздно. Темные идут, и тебе не стоит с ними встречаться...

Я тоже несколько суетливо вскочила на ноги.

– Как, пора уходить?! Но ведь ты мне не рассказал еще

многого! Что это за свет на горе был? Что это за барьер такой, который я, по твоим словам, открыла или нарушила?! Кто сделал эту тропу из камней? Почему в камне выжжен след неизвестно чего? И, в конце концов, как мне отличить этих темных от нормальных, обычных людей?! И как мне вообще, избежать с ними встречи??!! А главное, что мне делать, если они меня все же найдут??!

Я была в отчаянье, и вопросы сыпались из меня горохом. Но я уже знала, что не получу от него ответов на них.

Он печально посмотрел на меня, усмехнулся невесело и проговорил:

– Я тебе все рассказал, и даже больше, чем было нужно.

Я жалобно посмотрела на него. Как мне хотелось, чтобы он сказал: мол, ничего не бойся, сделай то-то и то-то, и тогда все будет хорошо. Но, в глубине своей души, я прекрасно понимала, что так не будет, и что мне действительно, все придется решать самой. И от этого понимания мне стало страшно и зябко. Не утерпев, я попросила, почти скуля, словно брошенный щенок:

– Посоветуй, что нам теперь делать? Как избежать опасности?

Он тяжело вздохнул и проговорил, не скрывая своего сожаления:

– Я не даю советов... Я только рассказал тебе, каково положение вещей. Но решать и выбирать придется тебе самой. – запнувшись на мгновение, закончил: – Только, очень

тебя прошу, не ошибись с выбором. — Повернулся, чтобы уйти, но в самый последний момент проговорил сухо: — На расвете вам лучше уйти. Но ты должна знать, что даже тогда ничего не кончится. Они уже вышли на след...

И пошел неторопливой и бесшумной походкой прочь от костра. А я, почувствовав себя маленькой девочкой, которую родители бросили одну, на произвол судьбе в дремучем лесу, и, как-то безнадежно, если не сказать, отчаянно, прокричала ему вслед:

— А как я могу найти тебя, если мне потребуется твоя помощь?

Из темноты до меня донесся его голос, больше похожий на шелест листьев под порывами слабого ветра:

— Просто приди к скале, и позови по имени, я услышу...

И все, наступила полнейшая тишина. Ни звуков журчащей воды, ни потрескивания дров в костре, ни криков ночных птиц, ни тьяканья лисиц, ни воя шакалов. Совсем ничего. Будто я оказалась совершенно одна в каком-то пустом мире. На меня накатило такое чувство одиночества, даже какой-то утраты, что захотелось завывать волком. И я завывала. Тихонько и горестно, словно и впрямь, о какой-то невосполнимой утрате.

Но, это закончилось быстро. Словно мой вой разбудил вселенную. Тишина взорвалась звуками, хлынувшими в меня, словно я открыла какую-то дверцу, за которой и прятался известный и привычный мне мир. Пронзительно в ночи

закричала сова, тихое потрескивали дрова в костре, журчала переливами близкая вода на небольших перекатах. И все эти звуки слились в неповторимо-прекрасную мелодию ночи.

Глава 7

Только сейчас я обратила внимание на то, что мои друзья по-прежнему спали. Ни наши разговоры, ни мой безнадежный вой, их не разбудили, и это было несколько странно. Хотя... Чему я удивлялась? Только что здесь был человек, который жил столько, что в нулях этой цифры я бы запуталась. Он умел отводить глаза и проникать своими мыслями в мозг любого человека... Ну хорошо, не любого, но мог же, черт побери!!!

Небо уже начало светать, и я решила, что моим друзьям пора просыпаться. Только вот следовало решить, что из случившегося стоит им рассказать, а о чем следовало умолчать. Иметь секреты от друзей было бы нехорошо. Но я уже сейчас понимала, что изречение из Библии, которое любил повторять иногда мой дед, гласившее, что во многой мудрости – много печали, в данной ситуации было, как никогда, актуально.

Я осторожно дотронулась до плеча подруги и позвала:
– Танюха... Просыпайся...

Она сонно дернула головой, приоткрыла один глаз, и попыталась его сфокусировать на мне. Надо полагать, мой светлый образ она разглядеть сумела, потому что, с улыбкой промурлыкала:

– Нюска...!! Какой я чудесный красочный сон видела,

если б ты только знала...!!! – Голос при этом, у нее был мечтательным и расслабленно-ленивым.

Чтобы привести подругу в рабочее состояние, пришлось еще раз ее хорошенько тряхнуть за плечо. На что она пробурчала с раздражением:

– Да проснулась я, проснулась!!! Чего в такую рань-то? Вон, еще темнотища кругом!

Пришлось прибегнуть к более действенному методу. Таинственным шепотом, выпучив глаза, я прошептала со значением:

– ОН был здесь...

Татьяна в первый момент посмотрела на меня, явно не понимая смысла сказанного мной, потом потрясла, наверное, для лучшего понимания головой, и спросила, тоже, почему-то, шепотом:

– Кто такой ОН...?

Подобная бестолковость подруги меня несколько раздосадовала. Но, понимая, что счастье в виде ее сладкого сна случилось не само по себе, а благодаря нашему новому другу (если можно было так назвать человека, боюсь даже сказать, насколько старше нас и впервые увиденному несколько часов назад), свое раздражение я попридержала, и пояснила, словно глухонемой:

– Ну тот мужик, который от меня убежал...

По тому, как Танька захлопала на меня ресницами, мне стало понятно, что причинно-следственные связи в ее моз-

гу после сна еще не восстановились, и она, если так можно выразится, одной ногой все еще пребывала в своих сладких грезах. Поэтому, я терпеливо пояснила, стараясь говорить медленно, отделяя каждое сказанное слово внушительной паузой:

– Тот мужик, за которым я гонялась, и ради которого мы тут остались ночевать... Так вот... Он пришел сам, пока вы с Юркой спали. Кстати, Юрка тоже буди. Все расскажу всем сразу, чтобы несколько раз не повторять.

На самом деле, Татьянанина нерасторопность была только на руку, оставляя для меня возможность все как следует обдумать, прежде чем рассказать обо всем моим друзьям. Я решила, что о возрасте Койды, помнящим «эти горы молодыми», я скромно умолчу. Ни к чему перегружать психику моих друзей подобными деталями. Тем более, что о своем видении другого мира я им тоже не сказала. Пока я предавалась размышлениям, о чем стоит говорить, а о чем – умолчать, Татьяна растолкала Юрку. Судя по недовольной физиономии друга, тому тоже снилось что-то эдакое, приятное-неземное (а может быть, напротив, что-то очень земное). Но, высказывать свое недовольство он не торопился, и в себя пришел довольно быстро. Подруга сразу же выпалила ему точно такую же фразу и с точно такой же таинственностью, что и я. Мол, ОН приходил. Юрик среагировал моментально, сердито глядя на меня:

– Чего не разбудила сразу?! И что... он сказал? Кто таков?

Чего здесь шастает?

Вот тут наступал самый ответственный момент. Нужно было подать друзьям информацию таким образом, чтобы у них не возникло лишних вопросов, а также, чтобы они сразу же захотели отсюда убраться. Врать я правдоподобно никогда особо не умела. И Юрка знал об этом доподлинно, впрочем, как и Татьяна. Но в этот раз мне следовало постараться. Даже если опасность, грозящая мне, была и не такой уж серьезной, как об этом говорил Койда, все равно, подвергать своих друзей малейшему риску мне очень не хотелось. Вздыхнув тяжело, я начала, что называется, «размазывать картину»:

– Ну, он сказал, что здесь какой-то засекреченный объект, что-то вроде научной лаборатории. – Поняв, что я слегка погорячилась, насчет «засекреченного» объекта, быстро поправилась: – Ну, не то, чтобы совсем уж засекреченный или военный какой, а так, изысканиями занимаются. – Туманно пояснила я. И тут же продолжила. – А он следит, чтобы к нему посторонние не приближались, навряд ли сторожа или охранника. Вот и пришел сказать, чтобы мы свой урюк забирали, и уматывались побыстрее, пока нас тут всех не арестовали... Версия была конечно, так себе. Если честно, совсем никудышняя. Ни тебе логики, ни тебе смысла. Но ничего другого мне в голову пока не приходило.

Первой среагировала, конечно, Татьяна:

– Какая такая лаборатория? Что еще за лаборатория?

Слыхом не слыхали ни о какой лаборатории, да и зданий тут нет никаких...

Я принялась вяло отбrehиваться.

– Под землей лаборатория. А что не слыхали, так это и понятно. Говорю же, секретная. Объявления по этому поводу не развешивают на каждом дереве. – Противоречия в моих словах Татьяна не заметила. Точнее, не обратила на них внимания. А я злилась на себя за неумелую ложь, за то, что вообще приходилось врать своим друзьям. И не просто друзьям, а можно сказать, своим близким людям. И эта злость неприкрытым раздражением звучала в моих словах.

Татьяна с подозрением посмотрела на меня, и спросила:

– А что они тогда тут изучают? И что, этот мужик тебе прямо так и сказал, что, мол секретная лаборатория, и уматывайтесь отсюда подобру-поздорову, да?

Мой запал, на пару с моей фантазией, уже истощились, не продержавшись и нескольких минут, и я принялась мямлить:

– Ну не прямо уж так... Но достаточно недвусмысленно. Мол, если не хотите неприятностей, то чешите отсюда, пока не поздно...

Татьяна, было, открыла рот, чтобы еще что-то спросить, но, все это время внимательно наблюдавший за мной Юрка, решил сказать свое мужское слово:

– Так! Все... – Начал он весьма решительно. А я затосковала. Уж если сейчас Юрок возьмется меня расспрашивать, то уж от него я так просто не отверчусь. Он как стари-

чок Мюллер из известного фильма про нашего разведчика Штирлица, вытянет из меня всю информацию до последней капли. Друг опять на меня глянул хмуро, заставив замереть мышкой, и проговорил спокойно: – Раз сказал, срочно уходить, значит надо срочно уходить. Нечего судьбу искушать. Если помните, я с самого начала был против ночевки в этом месте. – И добавил, скорее себе, чем нам. – Тут и сны какие-то чудные снятся...

Меня его последняя фраза очень заинтересовала. Мне стало любопытно, что за сны такие он видел, что называет их чудными? Но расспрашивать его сейчас сочла неуместным. Иначе, Татьяна вцепится клещом, не оттащишь. И тогда, точно, раньше обеда не сдвинемся с места из-за разговоров. А у меня будет время его потом расспросить.

Сборы заняли не очень много времени, и вскоре, мы тронулись в путь. Даже Кешка был какой-то притихший. Трусил потихонечку, покорно таща на своей спине этот треклятый урюк. Я, было, подумала, что Койдина ворожба на него тоже оказала свое действие. Разговоров мы не вели, берегли дыхание. Подъем по склону с этой стороны был довольно крутым и отнимал все наши силы. Не стоило и говорить, что все мои мысли были заняты ночной встречей. Но, кроме вопросов, в голове у меня не было ничего. Самым основным, разумеется, был только один вопрос: кто такие ОНИ? Разумеется, объяснения моего белоголового знакомого, что эти «они» были темными, меня не устраивали. Воображение

рисовало только чертей из Гоголевских повестей, да вурдалаков из произведений Толстого. На этом моя фантазия заканчивалась. Но ни в чертей, ни в вурдалаков, я не верила по причине того, что была ярым материалистом. Не бывает их! По определению – не бы-ва-ет, и все тут! А внутренний голос, тут как тут, ехидно посмеиваясь, нашептывал мне в ухо: «Точно! Не бывает! А человек живущий непонятно сколько тысяч лет, бывает? А фиолетовая планета с двумя солнцами, бывает?» Этот голос разносил в пыль остатки моей уверенности в незыблемости окружающего мира, вгоняя меня в тоску. Но, несмотря на усиленную работу мозга, ответов на свои вопросы я так и не нашла.

Промучившись еще немного, решила выкинуть все это из головы. И пока окончательно не свихнулась, собралась подумать о чем-нибудь другом, нормальном, легко понятном и объяснимом. И тут, как назло, вдруг вспомнила своего деда. Точнее, его истории о моем прапрадеде, которые я любила слушать вечерами, когда была маленькой. Дед рассказывал, что его дед слыл в деревне колдуном. Говорили, он даже мог обернуться любым зверем, но чаще всего его видели в образе черного кота. При этом, мой дед особо обращал мое внимание на то, что ни в одном дворе их деревни черных котов отродясь не водилось. Было жутко и интересно слушать эти истории.

Разумеется, все эти повествования я почитала сказками, а теперь вот, вдруг, задумалась. А что, если это все не сказ-

ки? А ну как, и впрямь, существует мир, неизвестный, загадочный, наполненный чудесами, в котором было место и для колдунов, и для долгожителей (мягко говоря), и для фиолетовых планет, который существует сам по себе, не зависимо от того, верим мы в него или нет?

Но мою задумчивость, если можно было так назвать размышления во время того, как ты карабкаешься по крутому склону, прервал вопль Татьяны. Мы уже были на самой вершине, когда она, указывая рукой куда-то вниз, в урочище, завопила так, что Кешка с перепугу шарахнулся в сторону, чуть не сбив Юрика с ног:

– Смотрите, смотрите... – Я заполошно принялась крутить головой, никак не сумев взять в толк, куда конкретно нужно было смотреть, так как своим жестом она охватывала, практически, все урочище сразу. Подруга, видя мою суету, досадливо проговорила: – Да вон, туда... Видишь, у самой реки небольшая поляна?

Я уставилась в указанном направлении. Сначала я даже не поняла, что это или кто это был. Не иначе, как с перепугу, после своих размышлений, мне показалось, что я вижу кентавров (хорошо хоть не вурдалаков или черных котов). И только через несколько секунд я поняла, что это были верховые, несколько человек на лошадях.

Все внутри у меня замерло. Неужели это и есть те самые «они»?! Так быстро?! Откуда они вообще здесь взялись?! По этим скалистым откосам много на лошадях не наскачешься.

И тут, может быть, почуяв родственников, проклятый осел заорал во все горло:

– И-а-а, и-а-а... – Горы подхватили его вопль раскатистым эхом: «А-а-а...» Юрка, выругавшись, резко дернул его за повод, пытаясь свести его ниже по склону и одновременно гаркнул:

– Ложись!!!

Не задаваясь вопросами о том, что, для чего и почему, мы с Танькой молниеносно выполнили команду, плюхнувшись на животы, и стали испуганно таращиться друг на друга. Татьяна заговорила первой, обращаясь ко мне, словно у меня были все ответы на все ее вопросы:

– Чего случилось-то? Мы что, от этих, на конях прячемся? А зачем?

Я про себя хмыкнула. Ее последний вопрос был самым основным. Хотела бы я знать, зачем. Но подруга ждала ответа и я, насколько это было возможно в подобной позе, пожала плечами, и пробурчала:

– Фиг его знает... Это к Юрику... Он крикнул «ложись».

Покрутив немного головой, впрочем, совершенно без толку, мы стали, изображая партизан в дозоре, по-пластунски, перебираться за камень, за которым укрылся Юрик вместе с ослом. Последний стоял с виновато опущенной мордой и тяжело вздыхал, словно осознавая всей своей ослиной душой, что его крик был совершенно не своевременным. Мы кое-как поднялись сначала на корточки, а потом и в полный рост.

Судя по величине камня, а главное, по его расположению, нас с долины уже было не видно. Татьяна хмуро рассматривала свои в кровь оцарапанные ладошки, а я обратилась к другу:

– Чего ты заорал «ложись»?! Чего ложиться, если эта зверюга, твой осел, и так своим воплем сообщил о нашем здесь присутствии!? Тут хоть ложись, хоть не ложись, все равно, нас заметили...

Татьяна была солидарна с моими претензиями, и тоже с осуждением посмотрела на Иннокентия, словно это он дал нам команду ложиться. Юрка конфузливо улыбнулся, и, пожав плечами, принялся оправдываться:

– Да кто ж его знал? Сама понимаешь, ослу глотку не заткнешь. А я посчитал важным после всего, чтобы нас не заметили...

В принципе, Юрка поступил верно. Нас бы и не заметили, если бы не Кешка. Да и сейчас, я сильно сомневалась, что нас именно увидели, а не слышали ослиного рева. Понятное дело, если те, на конях, и есть загадочные «они», то сложив два и два, догадаться о нашем присутствии было несложно. Как там Койда говорил? Что дескать, я прорвала какой-то там барьер, которые другие не могли открыть, и произошел большой выплеск энергии, которые эти «они» не могли не почувствовать. И плюс к этому наш осел подал голос. Здесь местность не особо благоприятная для прогулки диких ослов. Тут сразу найдется масса желающих ими пообедать. Так что,

так или иначе, наше присутствие уже не секрет для тех, внизу. Впрочем, оставался еще один малюсенький шанс, что люди на конях совершенно не имеют никакого отношения к пресловутым «они», и вполне могут быть обычными чабанами, или, просто туристами, случайно забредшими в это урочище. Хотя, если честно, в такое счастье мне не верилось.

Татьяна, тем временем, в который раз, осмотрев с угрюмым видом, свои поцарапанные ладони, пробурчала:

– И чего было так пугать? Если это охрана, так мы уже убрались из их проклятого урочища. На кой им нас догонять? Штраф, что ли, захотят с нас содрать? И потом, по этим склонам они вряд ли взберутся на своих лошадях. Тут только козы, да вон, наш Иннокентий способен передвигаться. Разное зверье не в счет. Лошадь тебе не лисица и даже не осел, тем более, с седоками. Так что, я не вижу повода для паники. Ведь не будут же они нас преследовать, в самом-то деле?! – Тут она глянула на мою удрученную физиономию, и, прищулив один глаз, спросила с подозрением: – Или будут...? И ты нам не все рассказала? – Тут, видимо, какая-то новая мысль посетила ее умную голову, и она, уперев руки в боки, принялась рассуждать «логически». – Вся эта история выглядит какой-то ... странной, не находите? Почему этот мужик, кстати, как его зовут...?

Я чуть не брякнула, что, мол, я его не звала, он сам пришел, но, решив, что мое ехидство сейчас будет не ко времени, просто пожала плечами и проямлила:

– Он не представился...

Татьяна отмахнулась от меня, дескать, не важно, и продолжила дальше рассуждать:

– Так вот, почему это он приперся посреди ночи, а? Сначала убегал, прятался, как малое дитя, а тут, на тебе, явился – не запылится! Вы так не думаете, или мне одной это кажется странным? – И она уставилась на меня с вопросом в очах.

Я под ее грозным взором сникла, не имея ни малейшего понятия, как буду выкручиваться. Но тут мне на помощь пришел Юрка. Он сердито проговорил:

– Девчонки, а вам не кажется, что для рассуждений вы выбрали неподходящее место? Я не хочу, стоя здесь на горе, оценивать их шансы и вероятности, смогут они забраться на лошадях, не смогут. На мой взгляд, нам побыстрее нужно уносить отсюда ноги, и к ночи, оказаться как можно дальше от этого места. Желательно, очень далеко. Так что, вперед. Потом разбираться будем... – И, дернув Кешку за повод, стал спускаться вниз по склону.

Мы с Татьяной переглянулись, и покорно поплелись за Юркой и Иннокентием. Татьяна, правда, при этом бурчала про то, что, мол, развелось командиров и еще что-то в этом роде. А я про себя посмеивалась. Так и хотелось ей напомнить пословицу, мол связался черт с младенцем. Правда, я пока еще не решила окончательно, кто из этих двоих, кто. Но то, что Юрка себя подмять не даст, я была уверена на все сто.

До места первой нашей стоянки мы добрались уже в су-

мерках. Не скрою, всю дорогу я периодически оглядывалась и прислушивалась, ожидая с душевным трепетом услышать стук лошадиных копыт у себя за спиной. Но до самого места так ничего и не услышала. Правда, радоваться этому я не то-ропилась. Беспокойство, помещенное в мою душу рассказом Койды, как, впрочем, и само его появление, прочно засело там здоровенной занозой. И сейчас я сама себе напоминала перепуганного зверька, причем, очень мелкого, не крупнее зайца, который и верил, и не верил, что сумел уйти от хит-рющей лисы. Но этот заяц так же хорошо понимала, что если лисица не «висит» у него на хвосте, то это вовсе не означает, что она больше не выйдет на его след.

Юрка развел небольшой костер, причем, проявив при этом некую изобретательность. Костер расположил под при-крытием трех камней так, что его свет не бросался бы в глаза кому-либо, спускающемуся по нашим следам со склона. Та-тьяна ушла почти сразу в палатку, заявив, что никакие му-жики на конях не смогут повлиять на ее сон. А мы с Юр-кой остались сидеть у костра. У меня, несмотря на беспокой-но проведенную ночь, сна не было ни в одном глазу. Друг, тем временем, вскипятил чай в котелке, бросив туда горсть, оставшегося со вчерашнего вечера, барбариса. Потом, взяв в руки палочку, молча стал ею ворошить угли, выкатываю-щиеся на край костра. Пауза затягивалась и становилась ка-кой-то давящей. Я чувствовала себя паршиво, словно обма-нула лучшего друга. Впрочем, почему «словно», так и есть,

обманула. Но открыть рот и начать какой-нибудь пустой разговор, сил у меня не было. Мне казалось, что это совсем будет нечестно по отношению к нему.

Первым начал Юрка. Глянув на меня хмуро исподлобья, он коротко и требовательно проговорил:

– Ну...?

Я тяжело вздохнула, пытаюсь соскрести остатки мыслей, чтобы хоть как-то ответить на это его «ну», но он меня опередил, строго проговорив:

– Юлить не вздумай. Я тебе не Татьяна. Знаю тебя, как облупленную. Рассказывай все, как есть, иначе, сама знаешь... Дружба держится на доверии. Утром ты гнала какую-то чушь, я молчал. Понимал, что, возможно, ты боялась напугать Татьяну. Я – не она. Сама знаешь, напугать меня сложно. Так что, давай, начинай.

От такой прямоты я немного растерялась. Хотя, вру. Чего-то подобного я ожидала. И утром, я прекрасно понимала, что Юрке лапшу на уши повесить не удастся. Прав он был, знали мы с ним друг друга слишком хорошо и слишком долго, чтобы, врать друг другу и не понимать при этом, что это ложь. Вздохнув тяжело, я попробовала отвлечь неизбежное. Начала с душевной проникновенностью:

– Юрка... Ты не понимаешь. Это знание слишком опасно... Для вас опасно. Сам знаешь, меньше знаешь, крепче спишь...

Друг усмехнулся.

– Ты завязывай с этой лабудой... Ежу понятно, зная твой характер, что ты наплела какой-то ерунды не из собственно-го корыстолюбия. Ты же, как жена декабриста, на свои плечи все привыкла взваливать и волоочь потом эту ношу, лишь бы все вокруг улыбались. Но запомни, я – не все. Так что... В общем, слушаю тебя внимательно...

После его слов, несмотря на всю ситуацию, на меня снизошло такое облегчение, что я чуть не расплакалась. Но, не расплакалась, сдержалась. Помолчав немного, сосредотачиваясь, я начала свой рассказ с собственного видения на вершине горы. А потом, разумеется, рассказала Юрке все, как было. Это заняло у меня достаточно много времени. Но Юрок не перебивал и слушал очень внимательно. Закончив, я с некоторым испугом уставилась на него, ожидая, что он сейчас начнет смеяться. Да и кто бы на его месте этого не сделал, услышав про «долгожителя» Койду, про прорванные барьеры, про фиолетовую траву и про непонятно каких «они». В общем, я приготовилась к худшему. Но Юрка меня удивил. Глядя пристально на меня, тихо проговорил:

– Если бы кто-нибудь другой мне такое рассказал, я бы подумал, что у него талант к сочинительству или к розыгрышам. Но зная тебя так, как знаю я, точнее, зная полное отсутствие умения у тебя фантазировать, могу смело поручиться, что ты рассказала все, как было.

Я решила слегка обидеться.

– Чего это, у меня нет фантазии? А кто в восьмом классе

писал за тебя сочинения, а?

Друг коротко хохотнул.

– Тоже мне, сравнила. Вот скажи, какая фантазия нужна, чтобы написать сочинение по уже написанному произведению. А вот чтобы соврать, да в твоё враньё все поверили – тут нужно иметь эту самую фантазию, я бы даже сказал, талант нужен. А мы с тобой очень хорошо знаем, что врать ты совсем не умеешь. – И он мне подмигнул. От этого его подмигиванья мне вдруг стало спокойно и тепло, словно он, приобняв меня, похлопал по плечу, и сказал, что всё будет хорошо. Юрка опять посерьёзнел и задал вопрос, на который у меня, увы, не было ответа: – Ну...? И что ты собираешься делать?

Я пожала плечами.

– А что тут можно сделать? Буду жить, как жила. Сам знаешь, через три недели я уеду отсюда в другой город, не думаю, что эти загадочные «они» меня там найдут. Ведь не все-ильные они, в самом-то деле?

Юрок качнул головой и, грустно усмехнувшись, задал чисто риторический вопрос:

– Ты так думаешь?

А у меня от этого его простого вопроса вдоль спины пополз неприятный холодок плохого предчувствия.

Глава 8

Мы еще некоторое время посидели с ним молча, глядя в пламя костра. Я все время прислушивалась к ночным шорохам, которых в горах было в изобилии, все ожидая услышать звуки конских копыт, означавших погоню. А Юрок думал о чем-то о своем. Взгляд его голубых глаз, всегда серьезных и печальных, был сейчас сосредоточенным и острым, будто он пытался что-то такое, эдакое высмотреть в языках красноватого пламени. Впрочем, о чем это я?! После получения такой информации, я бы тоже крепко призадумалась, тем более что принять все рассказанное за выдумку и просто от нее отмахнуться, он вряд ли бы смог, как он сам выразился «зная мои способности к фантазиям». Но тем и хороши были мои друзья, что с ними, что сокровенным поделиться, что просто помолчать, было всегда хорошо. Я посетовала про себя, что не могу рассказать обо всем Татьяне. И дело не в том, что она могла кому-то и что-то там разболтать. Нет. Танька могла хранить тайны, что твой партизан в застенках гестапо. Я опасалась, что эти знания могут затянуть ее в какой-нибудь омут проблем и катастроф. Хотя, мой внутренний голос, опираясь на собственную логику, нашептывал мне, что, дескать, какая разница? Все равно, если те таинственные «они» доберутся до меня, то при этом достанется и моим друзьям, независимо от того, рассказала я им что-то или нет. И что-то подска-

зывало мне, что убеждать их в том, что мои друзья, как говорится, ни сном, ни духом, будет совершенно бесполезно.

Постоянное напряжение последних часов все-таки дало о себе знать. А, может быть, причина была в спокойном, усыпляющем потрескивании дров в костре, или в пляшущих по сухому дереву язычкам, казавшегося вечным, пламени? Так или иначе, я, незаметно для себя уснула. Проснулась я сразу и резко, вспомнив на грани сна и яви, все, что с нами произошло. Возможно, мне что-то и снилось, но вспомнить я этого никак не могла, впрочем, особо и не пыталась этого делать. Я лежала, весьма уютно свернувшись клубочком под собственным верблюжьим одеялом, заботливо накинутым на меня другом. Правда, острые камешки впивались мне в бок, но это никак не повлияло на крепость моего сна.

Костер почти догорел, и только вспыхивали иногда под слабым дуновением утреннего ветерка бордовым сиянием угли уже поддёрнувшиеся сероватым налетом пепла.

Рядом со мной никого не было. Я протерла, по детской привычке, кулачками глаза, и огляделась по сторонам. Из палатки доносилось слабое сопение. Похоже, Юрик, таки, решил составить Татьяне компанию. Иннокентий стоял понурившись, и жевал какой-то кустик, несуразно торчащий сухими коричневато-серыми хилыми веточками без каких-либо признаков листвы, в разные стороны. А я вдруг подумала, как бы было хорошо, если бы все то, что случилось, было просто сном. И мы еще не дошли до урочища, и не собирали

никакого урюка, и не было никакого странного свечения и человека с необычным именем Койда. Вообще, ничего этого не было! Но коробка с собранным абрикосом стояли рядом, источая невозможно пряный и духовитый аромат, напрочь лишая меня своим видом иллюзии утреннего покоя и счастья.

Я подбросила несколько веток в костер и поплелась к ручейку, набрать воды на чай. По дороге щипанула несколько веточек дикого тимьяна для чая, все еще раздумывая над произошедшим. Самым лучшим решением было поскорее вернуться домой, наварить варенья из треклятого урюка и забыть обо всем, как о страшном сне. Погони ведь не было. А вдруг, это и впрямь были обычные чабаны или туристы, или еще кто, но обычный, не страшный, и не подходивший под, вызывающее жуть, определение «они»?! При этом я сердито нахмурилась. Все! Хватит!!! Если не перестану об этом думать, свихнусь к чертям собачьим! А мне еще в институте учиться!

Набрав воды в котелок и как следует умывшись, я решительно зашагала к костру, словно маршируя на плацу. Повесила над костром баклажку, предварительно кинув туда тимьян, и принялась готовить для нас завтрак. Обычные простые хлопоты немного меня отвлекли от горестных раздумий. И уже, когда закипел чай, а бутерброды лежали на плоском камне, заменявшем стол, я обрела мало-мальское душевное равновесие. И даже, принялась мурлыкать себе под

нос песню про людей, которые идут по свету и им «вроде, немного надо» не особо известного простого студента Игоря Сидорова. Из палатки, сонно щурясь на первые лучи солнца выползла Татьяна. Огляделась внимательно, словно пограничник на посту, и пробурчала, откинув светлую прядь волос со лба:

– Доброе утро... Как тут у нас, тихо?

Под горным солнцем веснушки на ее вздернутом носу стали чуть ярче, впрочем, по-прежнему, не портя ее очаровательного облика. Я ответила серьезно, как только смогла:

– Да вроде бы... Давай, буди Юрка... Завтракаем, и в путь. Домой хочу со страшной силой. Что-то мне вся эта романтика уже поперек горла. Да и урюк пропадет, надо бы срочно переработать.

Подруга согласно кивнула.

– Сейчас, только умоюсь, пусть Юрка еще чуток поспит. Под утро уже прилез и вырубился. Вы чего тут, совет вождей устраивали без меня?

Я пожала плечами и постаралась, вложив в голос немного небрежности, ответить как можно беспечнее:

– Какой там совет...! Так... О жизни немного поговорили. Разъезжаемся же скоро. Я потом сразу уснула, а Юрок, я не знаю, когда спать ушел.

Татьяна побуравила меня немного взглядом своих серых пронизательных глаз, и хмыкнув, пробормотала:

– О жизни, говоришь...? Ну-ну...

И напевая ту же песню про людей, которым немного надо, направилась к ручью. А я, глядя ей вслед, затосковала. Ну не люблю я врать, особенно, своим друзьям!!

Домой мы добрались без особых (к моему удивлению) приключений. Юрка, скинув с Иннокентия мой короб с урюком, пообещал зайти завтра. Татьяна меня порывисто обняла и прошептала на ухо: «Держись, подруга!», засеменила следом за Юрком. Я с легким недоумением смотрела вслед друзьям, гадая про себя, что она имела ввиду этим своим «держись»? Она что, намекает на то, что мне придется выдерживать какую-то осаду или отбиваться от врагов? Поддавшись этому ее «держись, подруга», я даже, с некоторой тревогой, оглядела улицу из конца в конец в поисках неведомых врагов. Но ничего подозрительного не заметила, и отправилась в дом.

Чтобы дурные мысли не посещали мою бедную голову, решила заняться делом. Почти до глубокой ночи перебирала и чистила урюк. Засыпав его сверху сахаром и заботливо прикрыв белым вафельным полотенцем огромную кастрюлю, с чувством выполненного долга, поднялась к себе в спальню на второй этаж. Правда, перед этим, на всякий случай, проверила, хорошо ли заперты обе выходные двери. Почему-то, максима моей бабули, которая очень небрежно подходила к данному процессу, что, мол, замки эти от добрых людей, на этот раз у меня не сработала.

Спала я чутко и очень беспокойно, постоянно просыпа-

лась, прислушиваясь к ночным звукам за окном. Которое, кстати, тоже закрыла, что делала только тогда, когда наступали холода, не раньше конца ноября. Наверное, поэтому, на следующее утро, проснулась с больной головой, раздраженная и вымотанная. Категорически запретила себе думать о произошедшем, дабы не свихнуться окончательно. Но это было проще сказать, чем сделать. Даже обычные домашние дела не избавляли меня от суетливых размышлений. Поставила вариться варенье. Но впервые за всю мою жизнь, ароматный запах урюка, мирно булькотившего в огромном медном тазу на плите, вызывал у меня вместо аппетита, лишь глухое раздражение, напоминая мне о том, что все произошедшее было вовсе не сном.

Только приход Татьяны с Юркой, которые решили провести меня и узнать «как я», отвлекли меня немного от тяжелых дум. О нашем приключении не было сказано ни слова. Юрок сидел какой-то притихший, и я бы сказала, загадочный, словно сам в себе. Он о чем-то усиленно размышлял так, что его торчавшие над коротким ежиком волос уши, даже немного шевелились. Многозначительные взгляды, которые Татьяна периодически бросала то на меня, то на него, очень красноречиво говорили о том, что все без исключения продолжали думать о произошедшем. Если бы я не знала Юрка, то, даже могла бы подумать, что он все рассказал Татьяне. Но поверить в такое было просто невозможно, и мне оставалось только гадать, о чем же подруга догадывается.

Свой визит они не затягивали, сославшись на какие-то мифические «неотложные дела», которые им край, как было необходимо сделать. Но мне показалось, что им просто не терпелось побыть друг с другом наедине, без моей унылой физиономии. Я их не осуждала за эту маленькую ложь, тем более, памятуя о том, что сама подруге не рассказала всей правды. И совсем неважно было из каких таких благих побуждений я это сделала. Как известно, благими намерениями дорога в ад выстлана. В общем, с грустью глядя в спины удаляющихся ребят, мне оставалось только за них порадоваться. Пускай, хоть кто-то будет чувствовать себя счастливым.

Еще одну ночь я провела в беспокойном сне, и вздохнула с облегчением, когда за окнами забрезжил рассвет. Сегодня возвращалась мама, и я надеялась, что это событие меня отвлечет от моих метаний. Так и случилось. Мама, конечно, разохалась, увидев таз с вареньем, погладила меня по головке, словно я все еще была маленькой девочкой, и со слезой в голосе проговорила:

– Какая ты у меня... Совсем взрослая стала...

В этой фразе было заключено все, и радость, что я стала «совсем взрослая», и грусть от скорого расставания. И я, не выдержав, разревелась на мамином плече от избытка захлестнувших меня чувств и эмоций, что, кстати, случалось не так часто. Разумеется, мама принялась меня утешать, при этом сама едва сдерживая слезы. В общем, день закончил-

ся вполне себе спокойно и мирно. И в эту ночь я спала, как убитая, позабыв на некоторое время все свои беспокойства и страхи.

Утром я подскочила ни свет, ни заря, готовая свернуть горы. Впрочем, горы я сворачивать не собиралась, а уж если совсем честно, то глаза бы мои их не видели! Я решила заняться сборами в дорогу. К вещам я всегда относилась без особого фанатизма. И к тому моменту, как мама позвала меня завтракать, чемодан был уже почти собран. Позавтракав и убрав посуду со стола, я отправилась опять в свою комнату, решив сегодня покончить со сборами. Я сидела перед открытым чемоданом на кровати и решала некую дилемму. Взять или не взять мне с собой в институт моего небольшого плюшевого медведя, которого подарил мне папа, когда я пошла в первый класс. С этим зверем я не расставалась до сей поры никогда. Он сопровождал меня в дальних поездках, спал со мной в кровати, я просила его помощи и благословения на удачу перед экзаменами. То, что я была уже взрослой девочкой, можно сказать, студенткой, совершенно ничего не меняло. Он был не просто игрушкой, он был моим талисманом и памятью о погибшем отце.

В общем, я сидела и смотрела на его черные глазки-бусинки, на пуговицу, пришитую вместо когда-то давно утерянного носа, на тонкую полоску зеленого бантика на шее, и размышляла: поднимут меня на смех мои будущие новые друзья-студенты, или обойдется? И тут внизу раздался звонок

в дверь. Я услышала, как мама быстро прошла в прихожую, недоуменно бормоча себе под нос:

– Кого там в такую рань принесло...

А у меня, почему-то, на мгновение замерло сердце, а потом, со всего маху плюхнулось куда-то в район пяток и там бешено застучало. Я прислушалась к звукам, раздававшимся снизу. Было слышно два голоса. Один мамин, а другой, незнакомый, мужской. Я выдохнула, долго сдерживаемый воздух, и тихо, сама себе проговорила:

– Наверняка, это кто-то к маме, по работе... – И уже сама себе не верила.

Сомнения недолго мучали меня. Снизу раздался мамин голос, в котором звучало какое-то радостное удивление:

– Анна... Спустись, дочка... Это к тебе...

А меня, вдруг, словно приморозило к кровати. Ноги стали какими-то ватными, неповоротливыми и непослушными. А тихий голос внутри меня прошептал: «Ну вот и началось...» Я несколько раз глубоко вдохнула-выдохнула воздух, словно перед забегом на длинную дистанцию. Встала, и деревянной походкой вышла из комнаты. С лестницы я слышала мамин радостный голос, она что-то щебетала гостю, а он ей отвечал. Был слышан сдержанный мужской голос. Мамино настроение сбивало с толку. Если это «они», то почему мама не беспокоится, не тревожится, голос ее не наполняется сталью (так обычно бывало, когда она крушила своих оппонентов). И тут же, услужливый голос, не так давно поселившийся во

мне, насмешливо прошептал: «А ты что думаешь, что они – это черти с рогами и копытами? Они могут быть вполне respectable гражданами...»

Я медленно спускалась с лестницы, подавляя горячее желание, махнуть через балкон в сад, а там, давай Бог ноги. Но маму одну с этими оставлять было нельзя. На последней ступени лестницы я замерла на несколько мгновений, и напялив на свою физиономию маску удивленного равнодушия, сошла вниз.

Гостей было двое. Видимо, второй все это время молчал или говорил так тихо, что я его просто не слышала. Поняла я это по двум парам мужских туфель, аккуратно стоявших в коридоре под вешалкой. Как-то один наш знакомый сказал, не пряча усмешки, обращаясь к маме: «Тоня, мне кажется, что ты самого Господа заставишь разуться, подсунув ему комнатные тапки». Поэтому, то, что незваных и неведомых гостей мама заставила разуться, меня нисколько не удивило. А удивило то, что голоса и звон посуды раздавались из кухни! Кухня – мамина святая святых, если так можно сказать. Туда допускались только очень близкие люди, например, друзья детства, или любимая сестра мамы, изредка навещавшая нас. А вот чтобы незнакомых посторонних людей поить чаем в кухне... Это было из ряда вон, если не сказать хуже!

На цыпочках из прихожей я прокралась по коридору к кухне и прислушалась к голосам. Мама, захлебываясь от сча-

стъя рассказывала незнакомцам о поре моего счастливого детства!!!

— ... Уж такая упрямая... Если что в голову взбредет, то никакими силами не выбить! Пойдет, как таран, но своего добьется! Всегда такой была. Помню, было ей годика четыре...

Тут я уже не выдержала. Эти разговоры необходимо было прекратить немедленно! Что же это были за гости такие, что мама, вот так, можно сказать, с порога, вываливала все наши семейные дела?! Перестав таиться, я шагнула через порог и громко поздоровалась, пытаясь одним взглядом охватить сидящих за столом. Никаких тебе хвостов или копыт с рогами на незнакомцах я, разумеется, не обнаружила. Люди, как люди. Один, не очень молодой, может лет сорока, а может и младше, в несвежей клетчатой рубашке, небрежно распахнутой на груди, и обыкновенных серых брюках. Коротко стриженный затылок, плотно прижатые к черепу ушные раковины. Когда я сказала свое «здрасьте», он резко обернулся, словно услышал за спиной звук взведенного курка. Обветренное круглое лицо, прищуренный взгляд глаз, цвета которых я не могла разобрать. Легкая небритость не придавала ему респектабельности. Именно он вел разговор с моей мамой. Улыбка, которая была слышна в его голосе, моментально слетела с его лица, когда он обернулся. И на короткое мгновение оно стало похоже на морду хищника. Только я не могла вот так, слету, понять какого именно зверя он мне на-

поминал.

Он окинул быстро меня своим этим прищуренным взглядом, и у меня на мгновение перехватило дыхание. Мои инстинкты сработали, и прочная бетонная стена встала в моих мыслях передо мной. Дышать сразу стало легче.

Второй, сидевший на мамином любимом мягком стуле в несколько свободной, я бы сказала, вальяжной позе, только слегка повернул голову, чтобы глянуть на меня. Старше своего спутника, может быть, лет пятьдесят. Хотя, моему, не особо опытному взгляду, все, кто после тридцати уже казались стариками. Пухлое лицо, пухлая фигура, торчащие в стороны лопухами уши, которые не прикрывали жиденькие пегие волосики, небрежно торчавшие в разные стороны на его голове, и напоминавшие мне тот самый кустик, который упорно пытался прожевать Иннокентий в нашу последнюю ночевку. Под выступающими, словно у неандертальца, надбровными дугами, поросшими белесыми лохматыми бровями, блестели где-то глубоко, небольшие глазки непонятного цвета. Нос слегка приплюснутый, словно кто-то хорошенько в детстве двинул ему кирпичом по физиономии. Круглый по-женски подбородок с ямочкой, вызывал у меня какое-то чувство легкого омерзения. Выражение его лица почти не изменилось. Только губы слегка расползлись в змеиной ухмылке. Одет, в отличие от своего товарища он был более аккуратно. Обычный серый в тонкую синюю полоску костюм, сидел на нем вполне себе прилично. Голубая рубашка

была свежа и наглажена, сбоку в кармашке пиджаке торчал уголком голубой платочек. Только галстука-бабочки не хватало, и хоть сейчас – на званный прием! Мой внутренний голос просемафорил мне, что он представляет для меня куда как большую опасность, чем первый персонаж. Опасность? Меня заклинило на этом слове. А с чего я вообще взяла, что эти люди представляют для меня какую-то опасность? Мой внутренний голос только хмыкнул, но отвечать на мой вопрос не стал. Но хмыкнул он не просто так, а со смыслом, мол дура объяснять – только время тратить.

Мама, завидев меня, радостно воскликнула:

– Анечка, доченька... Поздравляю!! – И добавила с легкой укоризной: – Что ж ты мне-то ничего не сказала?

Кажется, мой внутренний голос был прав, чувствовала я себя, и впрямь, дура дурой. Слегка вытаращив на маму глаза, я уже, было, открыла рот, чтобы поинтересоваться, чего такого я утаила от мамы, и с чем это она меня поздравляет, как толстяк (буду для краткости называть его так), сладенько так улыбнулся, и пропел, опережая меня с ответом:

– Природная скромность вашей дочери просто поражает! Обычно, молодежь в ее возрасте не преминет похвалиться своими успехами, а Анна полна скромности, что, безусловно отличает ее ото всех прочих...

Пока он так чирикал, воспевая мои несуществующие достоинства, я стояла и хлопала слегка обалдело ресницами на весь этот цирк, пытаюсь понять, как мне все это прекратить.

А толстый разливался соловьем:

– Победа в таком конкурсе – это я вам скажу, не просто так!! ...

Мне даже стало любопытно, какой такой конкурс он имеет ввиду? Последний конкурс, который был в моей жизни, закончился года полтора назад, на восьмое марта. Был это конкурс поваров в школе, где я блестяще выступила (о своих достоинствах можно было заявить честно) с тортом «Наполеон». Но вряд ли меня сейчас поздравляли именно с этим конкурсом. А толстяк все щебетал и щебетал, отвлекая мамино внимание. Тем временем, небитый подошел ко мне, якобы для того, чтобы проводить к столу (можно подумать, я сама бы не нашла дороги!) и, склонившись к моему уху, продолжая улыбаться, прошептал:

– Если хочешь, чтобы все остались живы и здоровы, улыбайся, кивай и со всем соглашайся...

Я, вроде бы, собралась дернуться, но тут обратила внимание на мамин взгляд. Он был радостно-наивным и... пустым. Господи!!! Так они же ее гипнотизируют!!! Несмотря на предупреждение, я, все же, дернулась, пытаясь подбежать к маме и... что? Не знаю, что я собралась сделать, но мою руку сдавили железные тиски, и я вынуждена была плюхнуться на рядом стоявший стул, чуть поморщившись от боли. Сердито посмотрела на небритого и наткнулась на его ядовитую ухмылку. И что прикажете мне делать? Заорать во все горло «помогите»? И кто меня услышит? Соседи? Так там нет ни-

кого, все уехали в отпуск. Да и будь они на месте, я здорово сомневалась, что они чем-нибудь сумели помочь в данной конкретной ситуации. Ладно, посмотрим, что будет дальше. Если эти двое «они» и есть, то я им нужна живая и здоровая.

Тут я услышала, как толстый пропел, обращаясь к маме:

– Дражайшая Антонина Михайловна, вы можете смело отправляться в поездку. Ваша дочь в надежных руках. Мой коллега вас отвезет к поезду. Он отправляется через четыре часа, так что, поторопитесь с вещами. Лишнего ничего не берите, все, что вам будет необходимо можно купить на месте. Денежные средства вам выделены из фонда фестиваля, как матери победительницы конкурса... – Он нес какую-то ахинею, совершенно бессмысленную, и будь мама в здравом уме, она сразу бы поняла это. Но мама, покорно улыбаясь с видом сомнамбулы встала со своего места и провожаемая «заботливой» рукой небритого, пошла собирать вещи.

Я сердито нахмурилась, и, наконец, задала свои вопросы.

– Кто вы такие? Что вам надо? И куда вы отправляете мою маму?! – Строжиться и кричать, что я буду жаловаться в милицию, я посчитала глупым и бесполезным. Все равно не поможет, так чего тогда попусту воздух сотрясать?

Толстый усмехнулся, и уставился на меня проницательно. Точнее, попытался уставиться проницательно. Моя «бетонная стена» стояла, как наши под Сталинградом, то есть, намертво. Мне кажется, я даже ощущала некое давление на нее снаружи. Какое-то мгновение он выглядел обескураженным,

и даже решил было нахмуриться, но быстро взял себя в руки. Опять делано усмехнулся и проговорил слегка нараспев самому себе, растягивая гласные, словно песню пропел:

– Значит, мы не ошиблись... – Затем посмотрел на меня взглядом а ля «добрый дядюшка», и обратился уже ко мне: – Для начала, давай знакомиться. Ты можешь называть меня Иваном Ивановичем... – Я хмыкнула, услышав это имя, и не удержалась от едкости:

– А с фантазией у вас напряженно, да?

Толстый не обиделся, ласково улыбнулся мне в ответ, и с коротким смешком проговорил:

– Ну, можешь называть меня по своему усмотрению. У тебя фантазия, надо полагать, богаче моей. Но, девочка, имей в виду, что это мало изменит суть. Так что, я продолжу отвечать, с твоего позволения, на твои вопросы. Кто мы, и что нам надо, я думаю, ты уже поняла. А что касается твоей мамы, то тут ты можешь не волноваться. Мы ее отправляем в Кисловодск на недельку, подлечиться, отдохнуть. Она не будет переживать, а вернувшись, даже не вспомнит, что видела нас. Мы же не изверги какие... Нам только нужно, чтобы ты показала нам, как ты открыла барьер. И все... Ступай, как говорится, на все четыре стороны. И если захочешь, то ты тоже можешь не вспомнить про это небольшое приключение... – Он развел в сторону своими пухлыми ладошками. И в этот момент был похож на зубного врача из моего далекого детства, который, несмотря на мое упорное сопротивление,

все-таки, нажал пальцем на шатающийся молочный зуб, и, демонстрируя его перед моим носом, говорил ласково: «Вот и все, а ты боялась...»

По лестнице простучали мамины каблучки, я услышала, как небритый что-то ей успокаивающе говорит. Хлопнула дверь, и наступила тишина. Я сидела молча, уставившись на свои сложенные в «замок» на столе ладони, и пыталась хоть что-нибудь придумать такое-эдакое, чтобы не делать того, что «они» просили. Впрочем, насчет «просили» – это я, конечно, погорячилась. Никто ни о чем меня не просил. Скорее, это напоминало ультиматум, жесткие требования. И сейчас я мысленно молила только об одном, чтобы внезапно не пришли Татьяна с Юркой. Еще не хватало и их в эту кутерьму прописать! Хватит и меня одной с этих «Иван Ивановичей»!

Глава 9

Опять хлопнула входная дверь и на пороге появился давешний небритый. Оценивающе окинул взглядом меня вместе с кухней, и дернул уголком губ. Надо полагать, это он так усмехнулся. Интересно, а что он ожидал увидеть? Что я бьюсь в истерике, размазывая слезы и сопли по щекам, или, что я по своей наивности и глупости устроила тут небольшое Мамаево побоище, кидаясь тарелками? Ладно, спрошу потом. Сейчас лезть на рожон со своим ехидством я посчитала излишним. И вообще, как и во всякой незнакомой ситуации, следовало для начала посидеть затурканным кроликом, чтобы как следует осмотреться, и понять ситуацию в целом, да и к людишкам чужим присмотреться повнимательнее, чтобы правильные выводы сделать. Это всегда полезно. И, с другой стороны, враги будут тебя оценивать по самым первым выражениям эмоций, и... обязательно ошибутся!

Так что я, спокойно протянула руку и взяв из вазочки печенье, принялась его увлеченно грызть. Причем, рука у меня не дрожала. Честно следовало признаться, что силы я на этот «спокойный» жест потратила немало. Трудно удержать себя в рамках, когда внутри все так и клоочет от ярости. Но я прекрасно понимала, что «легким испугом» я от них не отделаюсь, значит, придется провести с ними некоторое время. Так что, подходящий момент для взрыва внутреннего «вул-

кана» у меня еще будет. И чем больше я там энергии накоплю, тем неожиданнее и сильнее будет последующий взрыв. Ладненько...

Теперь следовало немного поболтать. Девчонкам же положено молоть языком, особенно со страху. Начала я весьма незатейливо. Окинув вошедшего небритого чуть насмешливым взглядом, спросила, не без ядовитости:

– А вас, я полагаю, зовут Петр Петрович?

Небритый хмыкнул, быстро кинул взгляд на товарища (если он являлся для него таковым. Кто их разберет, этих темных), и проговорил, растягивая губы в улыбке:

– Сергеевич...

Я решила поиграть в бестолковку. Вытаращила глаза, будто он сказал что-то невероятное, поразившее меня до глубины души:

– «Сергеевич» чего?

Небритый сначала озадаченно нахмурился, а потом сквозь зубы проговорил:

– Петр Сергеевич...

Да... с выдержкой у небритого не очень. Так, поехали дальше. Я нахмурилась, и, обращаясь к «Ивану Ивановичу» требовательно проговорила:

– Вы сказали, что вот он, – я кивнула на небритого, – отвезет мою маму к поезду. А он не отвез! Как это понимать?! Вы что, не держите своего обещания?! – И выдала, словно заученный стишок на уроке «Родной речи»: – Мужчина дол-

жен держать свое слово, иначе он никакой и не мужчина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.